

СМЕНА

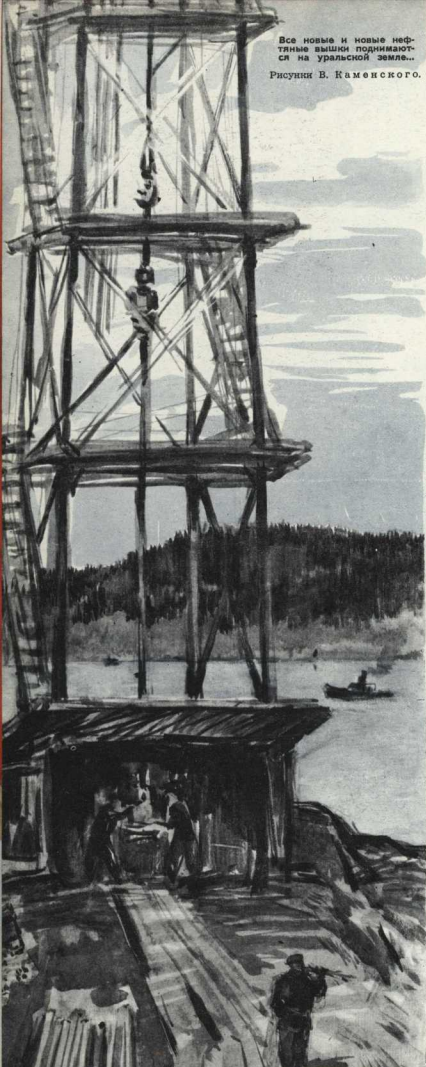
20

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Все новые и новые нефтяные вышки поднимаются на уральской земле...

Рисунки В. Каменского.

КОМСОМОЛЬЦЫ СДЕРЖАЛИ СЛОВО

Любовь Моисеева — отличная штукатура; каждую смену она выполняет до полутора нора.

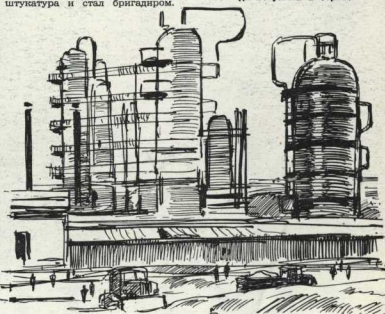
Несметные богатства хранит в своих кладовых седой Урал. Урал дает сырые сотням промышленных предприятий страны. Но не скудеет его запас. На Урале строятся новые заводы, фабрики, рудники, шахты.

— Совсем недавно на дальнем окраине Перми, близ местечка Осенцы, простирался широкий пустырь. Но вот пришли сюда строители. Началось сооружение Пермского нефтеперерабатывающего завода — нового гиганта химической промышленности. Молодежь Перми объявила эту стройку комсомольской.

На сооружении термического крекинга № 2, одного из важнейших объектов стройки, отличный пример в труде показали комсомолка Валентина Богданова и ее подружки-наемщицы, выпускницы строительной школы: Инна Волкова, Гали Леонидова, Мария Мокрушина и Вера Хохлова. Римма Чергушина приехала в Пермь после окончания Орского нефтяного техникума. Ей предстояло работать оператором электрососливающей установки, но установка еще сооружалась, и Римма стала землеполом. Она помогала строителям до тех пор, пока не были смонтированы последние приборы и аппараты.

Настал день, когда девушки из бригады операторов, которыми руководит Людмила Михайлова, слезли из цистерн в огромные подземные резервуары сотни тонн едкого золотца. Началась обкатка оборудования, проверка боевой готовности техники и людей.

Комсомольцы-строители сдержали слово, данное партизи. На днях перлам очередь Пермского нефтеперерабатывающего завода вступила в строй!

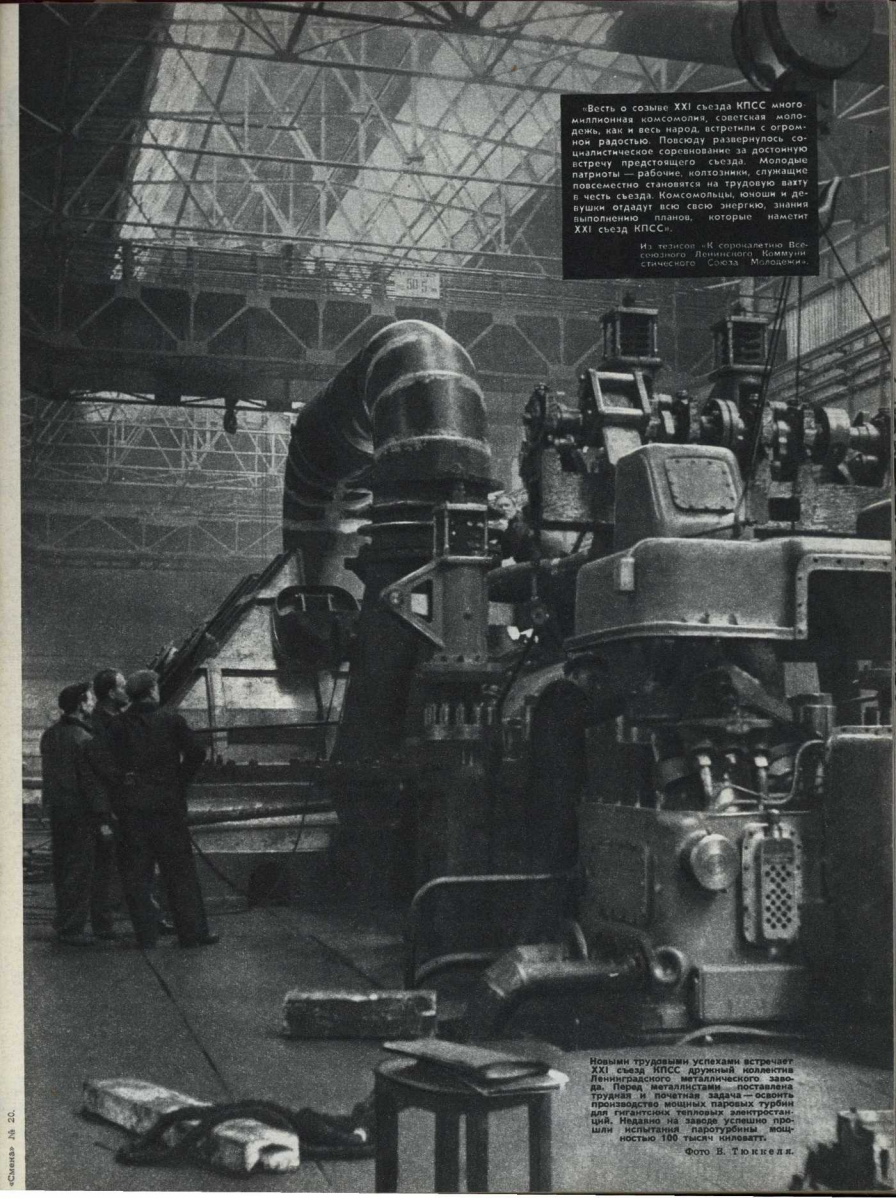
Чан Си-фу приехал на стройку из Китая, из далекой провинции Шаньдун. Здесь, на строительстве, он оказал специальную помощь штукатура и стал бригадиром.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Октябрь, № 20, 1956 год.

Год
издания
35-й

«Весть о созыве XXI съезда КПСС много-миллионная комсомольца, советская молодежь, как и весь народ, встретила с огромной радостью. Повсюду развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу предстоящего съезда. Молодые патриоты — рабочие, колхозники, служащие повсеместно становятся на трудовую вахту в честь съезда. Комсомольцы, юноши и девушки отдадут всю свою энергию, знания, выполняемые планы, которые наметит XXI съезд КПСС».

Из тезисов «К специальному Всесоюзному Ленинского Коммунистического Союза Молодежи».

Новыми трудовыми успехами встречает XXI съезд КПСС дружный коллектив Ленинградского металлургического завода. Тера металлургам — поставлена трудная и почетная задача — освоить производство мощных паровых турбин для гигантских тепловых электростанций. Недавно на заводе успешно прошли испытание паротурбинный мощностью 100 тысяч киловатт.

Фото В. Тюнелля.

МОСКВА

РЕВО

Фото А. Дорна

(Снимки публикуются впервые).

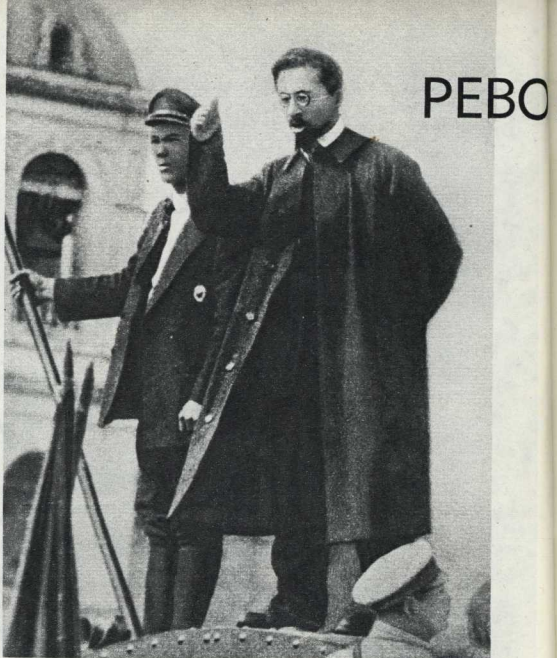
7 ноября 1917 года в Москву из Питера пришла волнующая весть: — Революция победила!

«Долг московских солдат и рабочих — поддержать петербургских товарищей», — призвал Военно-революционный комитет Московского Совета — штаб восстания.

Белоградцы спешно накапливали силы, они решили взять в Москве рванцы за Петроград. Ряды их пополнились контрреволюционерами, бежавшими из других городов, где уже победила Советская власть. 9 ноября повстанческий Московский военный округ получил телеграмму из ставки. Генералы требовали подавить восстание и обещали прислать подкрепления с фронта. В Москве разгорелись ожесточенные бои. Юнкера перешли в наступление, захватили Бривский вокзал (ныне Киевский), Кудринскую площадь (ныне площадь Восстания), Арбат. Они окружили Московский Совет, чтобы одним ударом obligавить восстание.

На выручку Совету пришли легендарные «диванцы». О них следует рассказать подробнее. В июле 1917 года 869 солдат 5-й армии Северного фронта были арестованы «за антиправительственную пропаганду». Керенский приказал заключить их в тюрьму города Двинска (ныне Даугавпилс). Над фронтовыми большевиками нависла угроза расстрела. Это черное дело решили совершить не в Двинске, а в Москве, где располагалась ставка главнокомандующего и Временное правительство имело «верхние» части. Но план был сорван витебскими железодорожниками: состав с арестованными они привели не в Москву, а в Мосну. Московские рабочие освободили «диванцев».

...На Красной площади путь «диванцам», пробравшимся к Московскому Совету, преградили конвоя. Революционные солдаты пошли в штыковую атаку. Потеря многих товарищей,

Летом 1918 года Москва Советская республика наполнила осажденной крепостью. Три четверти ее территории были захвачены белоградцами и интервентами. По призыву Коммунистической партии трудягой народ встал на защиту законной Октябрь. Этот слом грядущий на одном из массовых митингов, посвященных проводим красномаршмента на фронт. Перед болшмми выступит председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

Красногвардейцы осматривают Кремль после недавнего хозяйничанья в нем юнкеров.

«диванцы» провалился к Московскому Совету и помогли рабочим отбить от юнкеров. В эти часы на улицах Москвы пролилась первая кровь борцов за победу Октябрьской революции.

Достать оружие стало главной задачей восставших. В эти напряженные дни сцепилцы вагонов Марин обнаружили вблизи Гжатска, на путях Казанской железной дороги, шелезов с оружием для юнкеров. Он немедленно сообщил об этом в боевой штаб Железнодорожного района. Но когда красногвардейский отряд пошел и Гжатск, вагоны уже сцепила охрана белых. Что делать? Марин предложил смелый план. На большой спорности юнкеров увезли 40 тысяч винтовочку. Революционная Москва получила оружие.

Темелько бой развернулся на Остоженке (ныне Мятровская улица), где находился штаб Московского военного округа — центр контрреволюции в Москве. Этот квартал был заселен именитыми купечеством и высокопоставленными чиновниками. Каждый дом приходилось брать с боем. Отрядом красногвардейцев командовал двадцатитрехлетний рабочий — большевик Пётр Добрянин. Триста метров оставалось до белоградского штаба, когда шквальный огонь остановил атакующих. Молодой командир отдал приказ привести с текстильной фабрики Заменсдорфской точны с хлопком. Расчет был верным; точ с хлопком пуля

ЛЮЦИОННАЯ

Москва, Кремль, 1917 год...

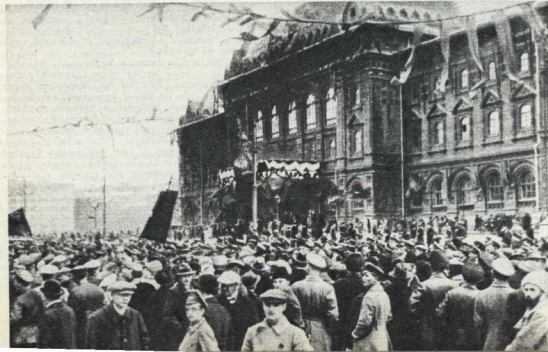
не пробивала. Этими тучами обложился борга грузового автомобиля. Нескольо человек пританосы за ним. Автома- биль задним ходом стал приближаться и, прогнанию. Неподдалому от вражеских позиций красногвардейцы свалили трои на мостовую и под прикрытие их ночью вырвали осто. В нем закрепили авангард атакующих. Остальные бойцы по главе с Добрыниным пошли в обход. В узком переулке они натолкнулись на вражеский пу- лемет.

— Нову дорога революция — за мной! — крикнул Добрынин и первым

...Только что подавлен антисоветский левозсеро- ший мятеж. В Большом театре продолжает работу V Всероссийский съезд Советов. Солдаты надежно охраняют революционный порядок.

Весной 1918 года трудящиеся Москвы впервые праздновали советский Переворот. На снимке: демонстрация у здания бывшей городской думы (ныне Музей В. И. Ленина).

бросился вперед... Добрынинская пла- щадка Москвы в названии своем навеки сохранит память о погибшем герое. 15 ноября штаб Московского военно- го округа был взят.

Все теснее сжималось кольцо ар- круг Кремля. Красные батальоны нача- ли его обстрел. Орудие с Нинольской (ныне улица 25 Октября) было прямой наводной по Нинольским воротам. В стене образовалась брешь. Группы смельчаков проникли через нее в Кремль и открыла ворота, в которые хлынули красногвардейцы во главе с Фрунзе. Это была победа.

Через несколько месяцев Москва — сердце России — стала столицей Совет- ского государства. В первой половине марта 1918 года в Москву из Петрогра- да переехало Советское правительство. А неделя две спустя Владимир Ильич Ленин вызвал команданта Кремля и сказал ему:

— Надо бы на здании Судебных уста- новлений, где разместились ВЦИК и Совнарком, подшить красное знамя... Обязательно надо...

И тогда над древним Кремлем япер- вые заиграло победное советское крас- ное знамя.

Л. ВОЛЬФОВСКАЯ,
Л. МАЯКОВ,
научные сотрудники Музея
революции СССР.

АНТОЛИЙ МАРКУША

ВПЕРЕДИ ОКЕАН

Мы пересекли Черное и Средиземное моря, шли галюнджию к юго-востоку Красным морем, нас начал Индийский океан, много других вод было еще на нашем пути.

Эти порочные рассказы написаны в Индийском океане во время сто двадцатидневного, самого обычного плавания на одном из грузовых пароходов советского государственного флота.

В основу южной истории положен действительный факт.

ВИРА ЯКОРЬ

Отплывал сорок долгих и трудных лет, Бонман Коваль решил списаться на берег.

Перед тем, как навсегда покинуть море, он тщательно выбирался, аккуратно подстригал седые, шесточий усы, надев свой лучший темно-серый костюм, приколол к лацкану орден Ленина, которым был награжден за долготу и безупречную службу, и пошел в порт. Коваль долго-долго стоял на пирсе и смотрел в открытое море. Трудно сказать, о чем думал в минуты молчаливого прощания: этот, седой, тёмнолицый, как мулат, человек. Вспоминал ли Бонман свою жизнь, начавшуюся пятьдесят пять лет назад у берегов Азовского моря, смежные рыбацки баркасы, что были ему и родным домом и первой школой, или Кроушадат, ставший в свое время его университетом, или чужие моря и страны, прошедшие перед ним за годы дальних плаваний. Лишь его оставалось спокойным, и зоркие, не успевшие еще состариться глаза смотрели далеко вперед, туда, где море, светлее и искрясь на солнце, постепенно переходило в азыветские небы.

Мимо шли босоногие мальчишки. Мастера бачкового промысла подарительно косились на седого, различно одетого человека.

— Кто это?
— Может, с того сухогрузного «француза»?
— Ты что, дураец? С «француза!» У него ж орден Ленина!

А что отцам выглядывает? Мальчишки шутили, вытаскивали шен в том направлении, куда смотрел седой человек, но ничего, кроме зеленоватой морской воды, чуть тронутой легкой зыбью, разглядет не могли.

Внезапно незнакомец повернулся к морю спиной и зашагал вдоль пирса, прямо мальчишек. Поравнявшись с приунывшими рыбаками, он вдруг подмигнул им и сказал: Коваль, низким голосом:

— Прощайте, морячки. Служите справно, а Бонман Коваль пошел на мертвые якоря становиться...

Растерявшись мальчишки молчали. Имя Бонмана Коваль было им знакомо. Оно светилось золотыми буквами на доске почета пароходства. Ковалью было присвоено персональное звание лучшего Бонмана торгового флота страны. И вдруг — на мертвые якоря... Но спросить Коваль рыбаки ни о чем не успели: он уже скрылся за складами.

Старый Бонман поднялся на Приморский бульвар, шагал он неторопливо, внимательно присматриваясь к прохожим. Многие ему кланялись, и он степенно кланялся в ответ.

На дальней скамейке, у самого обрыва, откуда лучше всего был виден рейд, сидел старичок в белом, туго накрахмаленном кителе

с якорьками на золотых потускневших пуговицах.

— Здравствуйте, Прокофий Артемьевич, — остановился напротив старичка Бонман. — Здравствуйте, капитан!

— Никак Трофимыч? — обрадовался старичок. — Садись, рассказывай, откуда прибыл, куда путь держишь?

Коваль опустился на скамейку, и потекла тихая беседа.

— Отплывался я, Прокофий Артемьевич. Все. Взял расчет.

— Не рано ли? Ты ведь, поди, лет на двадцать моложе меня будешь? Или здоровыш-ко будаешь?

— Да нет, на здоровье не жалуюсь, однако решил: хватит. Сорок лет — стаж подходящий. На Кубани у меня домикхо есть. Думаю похозяйничать напоследок, пенсией попользоваться.

— Помилуй бог, напоследок. Какие твои года? Мужичка ты в самом соку, так сказать, на вершине зрелости.

Далеко на рейде пронзительно зазвонел бубенчик.

— «Ингу!» — спросил Прокофий Артемьевич, разом настроившись, как чуткая птица.

— «Ингу!» — не глядя на рейд, подтвердил Трофимыч, — к «Иогису» идет.

— Так-так, на Кубань, значить?

— На Кубань.

— Ну, что ж, коли дело решенное, — востановил разговор!

Они поговорили о морских делах, добрым словом помянули неслышно умершего капитана дальнего плавания Ващенко; не зло, больше для порядка, поругали нынешнюю молодежь, которая «больно грамотная» вся стала, а настоящей жизни и не знает вовсе; немного пофлорил о перспективах развития танкерского флота и, сердечно простившись, расстался.

Все это происходило неделю назад. Но теперь, орудуя около своего дома, Трофимыч вспоминал о последней встрече с Прокофием Артемьевичем, как о чем-то очень далеком, почти древнем.

Ему нравилось на Кубани. Он в удовольствии вставал чуть свет, наскоро вынырнул стакан чаю и, вооружившись топором и рубанком, мастерила.

К великой радости дорогой Бонманши Надежды Петровны, Трофимыч хозяйничал врозь. Все, что выходило из-под его рук, будь то новая дверь или табуретка, может быть, и не отличалось особым изяществом и тонкостью отделки, но было «сработано» хорошо, прочно, что называется, на века. Одно беспокоило Надежду Петровну: Трофимыч как-то по-своему было-гострауварил дачерский дом. Перевесив и заново полагая все двери, он пристроил к ним пороги в добрую четверть высоты. Надежда Петровна, спотыкаясь на этих порогах, без конца ругалась, но Трофимыч только посмеивался, уверяя, что «комнигис» в самый раз, что спотыкается она просто с неприячки.

Похлопотав на кухне, Трофимыч переделал обветшавшую посудную полку так, что каждая кастрюля получила свое определенное гнездо, в которое входила глубоко и плотно. Это усовершенствование Надежда Петровна приняла безоговорочно. Однако следующее — блок над лазом в погреб — вызвало бурю протеста.

— Ты что, рехнулся, старей? — возмущалась Надежда Петровна. — Из дома пародок задувать мадела? Люди же засмеют!

Но Трофимыч стоял на своем:

— А как из трома картошку варать? Мало ли что люди смеяться будат. Посмеются, да и позавидуют. Ты только посмотри, удобство какое: потауат за шертики, и пожуладца — мешок на палубе...

Надежда Петровна слишком долго жила без хозяйина дома, чтобы из-за пустяков разводить трагедию. К тому же Бонманша была женщина себе на уме и надевалась, что на берегу Трофимыч постепенно забудет пароход, привыкнет к нормальным человеческим порядкам, и тогда она уже сумеет потакомку превратить дом в обычную, сухопутную квартиру.

Закончив возню в доме, Трофимыч перенес свои старания в маленький палисадник. Здесь он расчищал прямую, под широким дорожку, тщательно засыпал ее битым кирпичом, утрамбовывал и аккуратно ограждал леерами. На одном конце дорожки он вкопал четыре столба, ввернул в верхнюю часть каждого по колыщарму и натянул между ними шпильный по всем правилам парусного искусства тент, на другом конце дорожки были водружены матчи. Официально матч числился радиоантенной, но она была оборудована и всем необходимым для подъема флагов расцветившая.

Сделано было уже много, помолодевший домик сверкал на всю улицу, но Трофимич выискивал все новые и новые заботы. Он боялся часа, когда будет забит последний гвоздь и вместе с последними стружками.

Надежда Петровна, чувствуя это, как-то посоветовала ему:

— Сходи бы ты, Трофимич, на реку, завел бы с местными рыбаками знакомство, всетаки при воде люди...
— Ну и что?
— Как «ну и что»? С твоим-то опытом, да при воде... и посоветовать людям можешь и так, интересе обидей найдешь.— Надежда Петровна выбирала слов с осторожностью, боялась, чтобы Трофимич не принял добрый совет за желание спровадить его на работу.

— При воде... при воде... О чем ты говоришь, мать? Какая тут вода... одно название! — И Трофимич стал вдруг рассказывать Надежде Петровне о том, как живут люди в Индине.

Так и пошло с тех пор: каждый вечер, упрямившись с вежливой домашними делами, они усаживались под тентом, и Трофимич вспоминал о виденном и пережитом за сорок лет плаваний. Надежда Петровна многого не понимала в его рассказах, слишком уж густо они были приправлены незнакомыми словами — шпринг, райда, бамс, дель... но слушала внимательно: ей и на самом деле было интересно. Часто приходили к ним соседи. Особенно таянулись к старому боцману ребятишки. Иной раз засиживались допоздна, а когда все расходилось, Трофимич несессю шутил.

— Был человек моряком, а теперь в радиоконментаторы начинаться вперу, — и вздыхал и долго курил.

Так тянулось до весны. В середине мая, закончив огородные посиделки, Трофимич вдруг собрался в Одессу.

— Надо съездить Прокофия Артемьевича проведать, стар капитан, поиди, совсем плох стал. Ты как, мать, не возражаешь? Нет? Значит, постановляю единогласно.

И он уехал, сразу помолодевший, приободрившийся. А через две недели Надежда Петровна получила телеграмму:

«Из «Терек» Бирму. Не скачай. Целую». За тридцать лет супружеской жизни Надежда Петровна получала немало неожиданных телеграмм, но впервые Трофимич не забыл добавить три таких важных для каждой женщины слова: «Не скачай. Целую».

— Мой-то, мой не вытерпел, — говорила Надежда Петровна соседкам, — в Бирму его посыле, на земле ему плохо спится, океан по-давний.

И соседи сочувственно вздыхали, а Надежда Петровна ласково смотрела на мачту в палисаднике, не ругала больше высоких порогов-комингов и терпеливо, как и подлагает настоящей морячке, ждала своего Трофимича.

МОРЯЧКА МУСЬКА

До 14 июня Муська считала себя счастливейшим человеком на земле — все в ее жизни до этого дня шло как нельзя лучше: она окончила восемь классов средней школы в Торжке, проучилась год в фельдшерской школе Вышнего Волоочка и, решив, что медицина не ее стихия, уехала в Одессу к своей давней родственнице.

Муська думала: Одесса — это море и корабли, тепло и капитаны, Приморский бульвар и катакомбы. Ей очень хотелось пожить в Одессе, и, главное, втайне она мечтала попасть на тепло, хотя не считала, ясно представляла себе, что станет делать на судне.

В Одессе Муська очень скоро узнала дорогу на улицу Ласточкина, в серой трехэтажный дом управления Черноморского государственного пароходства.

Сначала в отделе кадров с ней не хотели даже разговаривать, но она приходила снова и снова, упрямо наклонно коротко остриженную, совсем мальчишескую голову, стараясь придать своей крохотливой, круглой физиономии строгость, уговаривала инспектора отдела кадров послать ее на пароход. Инспектор, видимо, замученный Муськиной настоятельностью, обещал наконец подумать. С неделю Муська выжидала в отделе кадров ежедневно, как на пароход. Инспектор все «думал, а

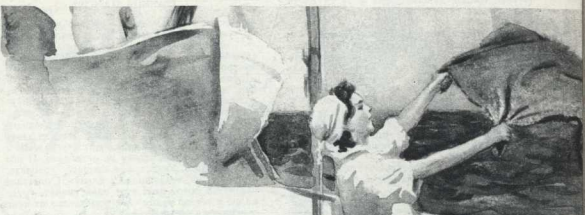

Рисунок
Ю. Ракутнина.

Муська ждала. И дождались: в конце концов ей предложили заполнить личное дело. С анкетами Муська справилась мгновенно, а над автобиографией сидела мучительно долго. Писать было решительно нечего: ну, родилась в мае 1938 года, ну, окончила восемь классов, сбежала с первого курса фельдшерской школы... Биография получалась обидно кучей, ужасно неслодкой. И тогда Муська храбро заглянула в будущее. Она написала о том, что хочет стать настоящей морячкой, что это ее окончательный, продуманный выбор, что начинать она готова с любой работы, что будет учиться и со временем поступит в мореходное училище... Муська знала: на флоте есть несколько женщин — капитанов дальнего плавания, и в мечтах вознеслась так высоко, что даже видела себя на капитанском мостике.

Начальник отдела кадров с удивлением взглянул на исписаный крик и вкось лист Муськиной автобиографии, улыбаясь и вселяя за ней через плечо. Муська пришла через три: больше ждать не было сил. Она получила назначение дивальной на один из пассажирских теплоходов крымско-кавказской линии. Два месяца курсовала Муська по Черноморскому Черного моря. Каждый день она яростно вытряхивала пыль из пушистых ковриков, надрывала до солнечного блеска медные ручки кают и ободки иллюминаторов, протирала переборки, и хотя эта работа не требовала никакого особого искусства и мало чем отличалась от обязанности береговой уборщицы, Муська была довольна. Для полного счастья не хватало если не настоящего шторма, то хотя бы штормика. Она мечтала испытать свою морскую стойкость. Но море, слово назло, было гладким, как бильярдный стол.

14 июня Муську перевели на океанский пароход «Терек». В первый момент она ликвала. Ей рисовались тропики, сказочно красивые и немаломо страшные, такие, как в кино, — со штормами и джунглями — словом, настоящая жизнь, полная неожиданностей и опасностей... Но на деле все оказалось гораздо проще.

«Терек» грузился в Новороссийске, и Муська, задержавшись в Одессе с оформлением документов, чуть не опоздала к новому месту службы.

«Не все хорошо, что хорошо кончается. За десять минут до того, как с борта парохода спустился последний таможенник и за судном закрылась государственная граница, Муська вылетела по трапу на палубу и представлялась вахтенному помощнику.

В суете отхода никому до нее не было дела. О Муське вспомнили не скоро, когда новороссийские берега скрылись уже в легкой серебристой дымке. Старший помощник проводил Муську в кают-компанию и обстоятельно рассказал, что она должна делать в новой для нее роли — бургегичи.

14 июня Муська впервые подавала ужин в кают-компанию, убирала со стола тарелки, краснела от шутки разбитного штурманского помощника, и так было еще с нею.

Неприятности начались позже.

В бурфетной прозительно заребрижал анонок. Муська знала — старший помощник предупредил ее, — что это вызов к капитану. Она быстро поднялась по трапу в маленькую каюту и, так как дверь была открыта, вошла, не постучавшись.

Капитан сидел за столом и что-то писал. Не оборачиваясь и не отрывая взгляда от бумаги, он сказал:

— Перед тем, как входить, следует стучать. Ясно?

— Ясно, — шепотом повторила Муська. — Оч-чень хорошо. Пропреперируем.

Муська вышла, ошущая, как запырало сердце и мелко-мелко задрожали губы. Она еще стояла за дверью, обдумывая, что делать, как из каюты донеслось:

— Ну, в чем там дело?

И она постучалась и, получив разрешение, вошла.

Теперь капитан обернулся в ее сторону. Это был пожилой человек, с лбом, исеченным мелкими, тоненькими морщинками, с коротким жестким сильно поседевшим волосом. Было в облике капитана что-то неудовоимо настроенное, казалось, он все время прислушивается к чему-то. Капитан внимательно, в упор посмотрел на Муську и без улыбки спросил:

— А почему рывок по шлю распорот?

Муська растерялась и пролетела что-то бессознательно.

— Я не заметила... Рывак? Где?..

— Но капитан не дослушал:

— Принесите мне крепкого чаю. И следите за собой, я не люблю нежить.

Муська пошла вниз за чаем, чувствуя себя обиженой и несчастной.

«Терек» наконец резал Черное море, приближаясь к турецкому берегу. Дни стояли прозрачные, ясные, ночи теплые, совсем штилевые, и все бы шло хорошо, если бы не капитан. Подниматься к нему в каюту стало для

Мысли сущим мучением. Ни разу не случалось, чтобы встреча с капитаном обошлась без замечания.

Она вытарахтала на спарде коврик — он недолго замечал, что спардек не проходной двор. Она приносила ему недостаточно горячий чай — он, notwithstanding грозя пальцем, объяснял:

— Золотник, чай должен быть, как пошелу: горячий, крепкий и сладкий.

Но больше всего Муску возмущали оставшиеся после капитанского завтрака хлебные корки. Прибывая на столе, она злилась чуть не до слез: «Подумаешь, барин, корки оставляет!»

Однажды, после очередной нотации, Муска не выдержала и, разревевшись, выбежала из каюты.

Капитан злился, звал, но все было напрасно: Муска не появлялась. Тогда он потребовал к себе боцмана.

— Трофимч, пойдй посмотри, куда бухетка делалась. Савалилась на мою гофру щадка — слова не скажи!

Старый боцман недолго собрал шельву из седьми бронами и молча вышел. Муску он нашел на корме. Присев у флажштока, саркал в комочек, она горько плакала. За сорок лет плаваний Трофимч многому научился: он умел и делать пробы, и сривать, и мильные концы, плести маты, выводить ржавые пятна с переборок, — но как успокаивать плачущих девушек, он не знал и поэтому, вероятно, не очень удачно спросил:

- Ревешь, значит?
- С вызовом ответила Муска.
- А зачем?
- Как зачем? А что он придраться? Сам корки на тарелке оставляет...
- Чего-чего, какие еще корки?

— Мильные концы, хлебные, за которые меня маты била! — это выкрикнула Муска.

Слезы и упоминание о золотных корках — все это непонятным образом связалось вдруг в мозгу старого боцмана в одно целое, и он сказал уверенно и незло:

— Дура ты, Муска. Чем же он корки гримать будет, когда у него ни одного своего зуба нет? В плену у Франко его зуба оставил, в тридцать шестом. И не придраться он к тебе вовсе, нервыи он. Ты думаешь, легко кто в одиночке высидеть? И были его. Жуть...

Муска перестала плакать. Она слушала боцмана с широко раскрытыми глазами.

С этого дня бухетка держалась молодцом, терпеливо выслушивала замечания капитана, безропотно выносила из его каюты хлебные корки и чай подавала такой горячей, что пить его было никак невозможно. А когда в Индийском океане «Терек» прихлывало штормом и четыре дня бросало так, что казалась, маты вот-вот залетят за воду, она, превозмогая дрожь в коленях и противный липкий запах во всем теле, трижды в день поднималась на ходовой мостик с кружкой крепкого кофе для капитана.

За дни шторма капитан ни разу не спустился в Мускину каюту, на мостике раздражал его. Недовольно ворочая покрасневшими от бессонницы и напряжения глазами, он ворчал каждый раз:

— Кто тебе вода сюда? Как-нибудь без помочника справилось. Убери к черту эту гадость!

Но Муска не уходила до тех пор, пока он не выпинал кофе. Спускаясь с трапа, она с трудом ловила ногами ускользающие ступеньки, облагеченным вздыхала, если удавалось благополучно донести пустую кружку до камбуза.

Когда шторм кончился, капитан позвал к себе Муску.

— Ну, — спросил он по обыкновению ворчливо — хорошо в море?

- Хорошо, — тихо ответила Муска.
- А не врешь?
- Хорошо, — совсем тихо, но настойчиво подтвердила она.

— Хорошо, — пожалулся, оморчавшись! — «Терек» резал зеленоватую воду Индийского океана. Муска стояла на белом, до блеска выдраенном штормовой волной спардеке и, широко, словно птица крылья, раскинув руки, наслаждалась красотой лавандовых коврик.

В этот день к ней вернулось счастье.

Григорий Абрамович Терешко пришел на море давно, много пладал, медленно преодолевая крутую лестницу флотской службы, — с четырехклассным образованием быстро не зашагает! Был он на своем веку и коцегаром и машинистом; немало попла пролил, прежде чем поднялся в мильные парни. Но, подивившись, встал на этой высоте прочно, будто врос.

Фамилия Терешко до самого последнего времени не числилась в судовых списках зооучеников, идти в пятый класс он стеснялся, а брать выше — подготовка не позволяла. И все же он учился. Учился, как принято говорить, «согласно индивидуальному плану». Существовал ли на самом деле этот план, сказать трудно, но в тесной каюте электромеханика от книг попереворачивал не только бумагу.

Учился он своеобразно. Его хватный, практической складки ум трудно осановлял теоретическую премудрость — кажется, выше затрепанного тома цингеровской еще физики Терешко и не полагался, другое дело технические описания машин и приборов — он их глотал, как увлекательнейшие романы. Из книг Терешко старался выудить суть явлений, соль конструкций. Другой раз это бывало трудно, порой невозможно, но зато, приходя сметка и огромный ритм вырываются, помога разобраться в запутанных электрических схемах, в длинных незнакомых названиях.

На «Терек» все давно привыкли и Терешко, все знали, что, если вдруг выйдет из строя авторучка, закрывающаяся часы, откажет фотоаппарат или бинокль, — надо идти к Григорию Абрамовичу. И шла, уверенные, что он не только поворчит для порядка, усмежится, потрет большой шершавой ладонью лысину, поймав потечетный аварий механизм и непременно исправит.

Обязанности электромеханика на пароходе с паровой турбиной не так уж велики, но Терешко был занят с утра до ночи, и это происходило именно потому, что хозяйство его было залупено илим он оналителен в ремонтной. Просто Григорий Абрамович прибегал к рукам все новые и новые объекты. Вместе с динамомашинной он прихлывал дизель, «привисался» к киноаппарату, взял на себя гироскопы и люкаторную установку, которую как-то незаметно стал считать за ним и все прочее штурманское вооружение.

И если сначала его просили посмотреть, скажем, закрывающийся люкатор, то со временем стали уже просить, а трювать.

— Гироскопы врет. Чуть Григорий Абрамович, смотрите? — недолго замечал штурман.

— Динамик киноаппарата вышел из строя. Это тебе известно? Известно. Так чего ж ты ждешь, Григорий Абрамович? — сердился первый помощник капитана.

— Утот у меня опять того... — приходила к Терешко бухетка.

И он регулировал компас, перематывал стороннюю обмотку и диванные того да пароло-де было дело радистов), заменил спираль в утюге. Обычно он работал тихо и молча, только, когда в руки к нему попадала вещь, испорченная кем-нибудь по небрежности, злился и приговаривал:

— Ядрена вещь, работничка... Впрочем, и к этому привыкли и стали неофициально считать Терешко своего рода судовой аварийной командой.

Такое отношение не только не раздражало, но скорее радовало Григория Абрамовича. Ему доставляло удовольствие быть нужным, и, хотя сам он никогда не считал себя незаменимым мастером, где-то в глубине его души жило чувство, что без него на «Терек» не обойтись. Это было хорошее, теплое чувство, оно помогало ему в минуты усталости, а он был немолодым уже человеком и уставал, как все люди. Это чувство удерживало его у стола, когда непонятные, запутанные электросхемы новых приборов, казалось, вот-вот должны отпасть и он горестно асе — и книжки и свои записи, которые упорно велось корявым почерком уже много лет подряд, — плыло и полетит «забыть козла», или сжаться в шашку, или просто растаянут, как туман, и останется, ни о чем не думая, смотреть в небо.

(Окончание на стр. 18).

В этом городе на берегу древнего Исламия родились все заводные, мильные кварталы, зеленые парки. Молоды люди и люди, которые возводили корпусы цехов, строили проректоры, разбивали свиреи... Недало в Азербайджане называют Сувайг городом конкста — «Июсс-Мольсон-на-Исламия».

Надвено в Сувайге руками молодых строителей была сооруже на первая очередь завода синтетического научения — строение цехи, в которых нефтяной газ перерабатывается в синтетический спирт, а спирт — в синтетический научун.

Сейчас строится вторая очередь. На соседние строительные площадки снова пришли молодые земляники, каменщики, плотники, бетонщики, арматурщики. Строится цехи так называемой «бухонной группы». В новых цехах будут вырбатывать научун, минуя стадию получения синтетического спирта. Сооружение этих цехов обьявлено ударной комсомольской стройной. ...Спокойно и плавно пропльвают в вышине стрелы башенных иранков. Снуют самосалы, неутомимо черпают грунт новые экскаваторы. Загорелые парни и девушки в комбинезонах выноут арматуру, укладывают бетон, ведут опалубку, сарывают стальные конструкции. Замечательные люди работают

Комсомольское собрание в парке. «Наш подарок XXI съезду партии» — не менее популярна ином и смеют», — говорят каменщик Гасия Магаров.

ПЕСНЯ НАД СУМГАЙТОМ

Фото М. Мурадова.

на строительных площадках Сумгайта! Молодые, с неиссякаемым запасом бодрости. Своими полугодами нории в смену дают плотники: Ислам Гасанов и Теймур Каграманов, электросварщик Муса Касиров, слесарь Раа Аббасов. Почет и уважение заслужила бригада Маана Нешитова, отличившаяся на монтаже второй серии шаровых емкостей. Монтажи их сложны и необычайно трудоемки. Но монтажники бригады Нешитова успешно справились с трудным заданием.

Комсомольско-молодежная бригада Иноула Ковальчука монтировала холодильные аппараты. Чтобы ускорить работы, Ковальчук предположил испытывать аппараты серийно, запользуя вая и подключая их к общей линии водопровода. Такое новаторское предположение повсюду монтирующая бригада аппараты в строй на неделю раньше срока.

Да, комсомольцы-строители опережают графики работ, помогают отстающим, беспощадно бичуют тех, кто тормозит темпы строительства, запаздывает с поставкой машин и оборудования. По инициативе комсомольского штаба завод-поставщик были направлены письма с просьбой ускорить изготовление машин, моторов и механизмов для строящихся цехов.

В ответ на решение майского Пленума ЦК КПСС об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов комсомольцы обязались досрочно завершить сооружение новых цехов. Недавно молодежная стройка объявила социалистическое соревнование за достойную встречу XXI съезда партии. Десятки бригад несут почетную вахту.

Вторая очередь завода синтетического научна не последняя. Сумгайт становится авангардом синтетического научка, и люди никогда не перестанут в цехах этой академии искать, исследовать, открывать новое.

Тот, кто впервые приходит на стройку, невольно испытывает не обычное чувство волнующей радости и восторженного удивления. Голоса людей, шум моторов, гудит дым извезда, частая дробь перфораторов — все это сливается в могучую песню, которая захватывает. Долог еще не смолкнет победная песня над Сумгайтом. С каждым днем она будет звучать все сильнее, разливаться все шире.

Гасан СЕМДБЕГЛИ

г. Сумгайт.

Ни на минуту не смолкают на строительной площадке гуд моторов, гудит... Лбит в отвал грунт, экскаватор роет котлован для новой установки.

Строители Сумгайта встретили сорганизато комсомольской комиссии подирвисом: широко распахнулись двери Дворца культуры, самого большого в Азербайджане.

→
С большим уважением говорит рабоче о комсомольце Раа Аббасове — лучшем слесаре стройки.

Ленинские места

Друг, товарищ! Пройдем опять
Дорожкам для нас путями —
По местам, что привыкли звать
Все мы Ленинскими местами.

Там не только музеев тить,
В четких надписях мрамор строгий,
Там не в прошлое ты глядишь —
Видишь будущего дороги,

Путь, проложенный напрямик
К жизни вольной и справедливой, —
И на площади бронзи,
И гранитный шалаш Разина...

Есть немало памятных вех
Там, где реют свободы флаги...
Благодарный приходит чех
В тихий ленинский домик в Праге.

Гор лесистых крутой шатер
В бликах солнечных розет...
Снял фуражку поляк-шахтер
У Поронинского музея...

Но не только город и дом,
Где Ильич побывал когда-то, —
В этом имени дорогим —
Все, что сердцу народа свято:

Зданий светлая высота,
Вновь рожденных морей глубины —
Это Ленинские места,
Что народом навеки любимы.

«Красный том на твоём столе,
Ты сложившись над листьями,
Веря: все места на земле
Станут Ленинскими местами,
г. Горный

Елена ВАЛИНА

Делегатка

Мчится поезд по снежным равнинам,
Мимо станций в созвездиях огней...
И встают пред тобою картины
Удивительной жизни твоей,
— Напрямик родная избушка,
Наступил же лютой январь,
Прибежала из школы девочку
И опять раскрывает букварь.
В бедных избах живется не просто.
Ночью прибыл в село продотряд.
В ящик злеб, кулакам зрячий,
Находить помогает твой брат...
Далеко эти трудные годы.
Вот идешь ты навстречу судьбе,
Хочешь плавить металл на заводе —
Надоело бегать тебе,
В доме пламя гудит без умолку,
На лице твоём огненный свет.
Вспомнишь, как тебя, комсомолку,
Выбирали в Верховный Совет.
Вспомнишь, как по труду знакому
Над Невой загорится завод.
Как тебе в Петроградском районом
Выдавали партийный билет.
— Паровоз прогудел у разъезда,
Разбудил над селом тишину...
Делегатка партийного съезда
Молчаливо приника к окну,
г. Москва.

Алевка КАСАТКИН

Баллада о шашке

Кавказская шашка в музее рехнет,
Кавказская выросший на шашку глядит.
Кавказская шашка блещет под стеклом,
А он ее видит — завлечь над конем,
И держит, как молнию, шашку рука

Лихого буденноца-большевика,
Что был у врагов на прицеле везде —
В степях Приуралья, в свинашской воде.
«Сиваш молчаливый студен и широко»,
Но нету других к Пересыпою дорог.
«Не верь, Сивашу. Он ведь может предать»,
«Но слышно в тумане: «Конец оседлать!»
И шашка опять под зарей кумача
Врагов революции рубит с плеча...
В боях накалилась она добела.
И так — неостановив — в музее легла.
Кавказская шашка лежит под стеклом,
А сурдце мальчишки пылает огнем,
г. Шуль.

Кармыс ДОСАНОВ

Наследники

Да разве мог бы этому поверить
Давно почивший дед мой Атахан,
Что внук его откроет вуза двери,
Что внук его потянется к стихам!
Он, изурнувший, прозорливый не был,
Бедного приходящего лишь даждала,
Судьба, судьба, тебя, что в синем небе
Орла ширококрылою поймаю...
Но мы с бедой сумели распротяться,
Поддержанные дружеским плечом,
Судьбу свою покыкали, словно птицу,
Которая крылатых кумачом
Шумит и сердца учащает стук
[А сердце, друг мой, не забьется зря].
Зовутся дед Атахан внуком
Теперь уже сына Октабря.

Перевел с нарваллинского
Григорий СОЛОВЬЕВ.

Петр КЮНКИН

У костра

То ли жарок костер,
То ли шуткам простор —
Хорошо у костра, когда есть фантазер.
— Ну-ка, старый охотник, Проклятый

Кумыш, как, бывало, выслушивая дичь,
Как дуплетом слынул язык тусю на лету.
Дружный хохот, покаяль, слышать за
версту...
Хорошо у костра греть сердца и мечту.
Под обрисом работч бесполокной Виллой,
Край суровый, неполоквой — как им толкуй.
Пусть усталые ноги в ночь отдохнут —
Сам алмазы еще не открытые ждут.
Скоро было искошено за день окрест!
Слышались, как молочно не слушает лес!
Говорят, парод боек всегда тишина...
В глухомань снаркает машины страна.
— Искры роет летят и летят в высоту.
Хорошо у костра греть сердца и мечту...
Иркутская АССР,
г. Алдан.

Юрий ШЕЛОКОВ

Рабочая суббота

Раскрыты настежь двери проходной —
Сегодня раньше кончилась работа.
Плет меклам и звенит струной
Над городом рабочая суббота.
Есть у нас непьющий закон:
По зыбкой глади мчатся на байдарке,
Спешить на свой рабочий стадион
И назначать свиданья в старом парке.
Зависитесь гордой, как волна,
Шумные и молоние с каждым разом,
Смолкает неожиданно она
В концертном зале, полном до отказа.
Оваки устоен шумизит,
И девушка, цени его устоен,
С восторгом снакут: «Родился талант!» —
И с гордостью добавят: «на нашем чепеле»
г. Тула.

В ЮНОСТИ

Новые рисунки
народного художника РСФСР
Н. Н. Жукова.

Небольшая фотография Володи Ульянова в гимназическом курточке, датируемая 1887 годом, и еще два фото, где он снят мальчиком в кругу своей семьи, — вот все, что сохранилось в фотодокументах от симбирского периода жизни Ильича. Восходить по этим слухным данным образ Ульянова-юноши, показать его в жизни, в действии, со всеми характерными для него чертами — задача нелегкая для художника, даже если он интуитивно творческого труда отдал ленинскому портрету.

Но фотографии, запечатлевшие только одно мгновение, надо суметь угадать и попытке вымеру юноши дерзаться, говорить, двигаться, угадать, нажим он мог быть в тех или иных обстоятельствах, представить себя, как он должен был реагировать на различные события. Ни на шаг не отступая от истинности, надо создать живой художественный образ. Работа связана с чувством мучительной необходимости: так или иначе, кто-то узнает! У зрителя знакомые и близкие манеры из них черт.

Все эти вопросы встают перед художником Николаем Николаевичем Жуковым, готовящим сейчас иллюстрации к книге Н. Невзолодовой и Л. Резниченко «Юность Ленина», которая будет издана «Молодой гвардией».

Новые иллюстрации не случайный этап в творчестве художника. Пятьдесят лет тому назад начал он свою серию рисунков о Ленине и с тех пор постоянно возвращается к ней, обогащая ее новыми портретными и композиционными листами. Многие из них значимы. «Смены» — например, замечательные по своей выразительности рисунки «Ленин в Разине», «Выступление Ленина в Ярославле», «Ленин, читающий «Правду»», «Ленин, вернувшись из ссылки», «Ленин в Симбирске» — рисунки «Ленин в гимназические годы», созданные Жуковым во время войны. Сейчас художник намерен более глубоко разработать тему юности Ленина, истинно сказать, пока еще мало затронутую в нашем изобразительном искусстве. Жунов стремится раскрыть в рисунках образ формирующегося революционера, выслетеля, вождя пролетарских масс и в то же время заблуждающего сына и брата, преданного друга, хоронящего товарища. Восмнная работы художника, видный, как всегда, образовательно наставляющий, он показывает Ленина как самого «человечного человека», который не только «вдруг» встал велика гегемон», но и «к товарищу имелась людною лаской». И потому образ Ленина Жуков всегда подкупающая банком, прост и понятен. Для иллюстрации новой книги художник избрал такую схему, которая позволила бы раскрыть всю многогранность образа молодого Ленина. Владимир Ульянов — агитатор, увлекательный всех за собой, и юноша, мучительно слушающий мизану; ученик гимназиста, который позволил бы раскрыть всю многогранность образа молодого Ленина. Владимир Ульянов — агитатор, увлекательный всех за собой, и юноша, мучительно слушающий мизану; ученик гимназиста, который позволил бы раскрыть всю многогранность образа молодого Ленина. Владимир Ульянов — агитатор, увлекательный всех за собой, и юноша, мучительно слушающий мизану; ученик гимназиста, который позволил бы раскрыть всю многогранность образа молодого Ленина.

Рисунок «Возвращение с пиднами» предначертан для открытия книги. Сюжет его прост и в то же время полон большого смысла. Володя — ученик 4-го класса гимназии — возвращается с товарищами с пидничного рынка. Купленные — предает давние ребячьи мечтанья. Но случайная встреча на арестантском рынке привлекла детей другими глазами взглянуть на мир, на то, что сделанную похитку навстречу шли тогда под всею, люди, закованные в кандалы. Тягостный контраст групп арестантов и радостный солнечный день — заставил мальчиков тут же выпустить птиц на волю.

Глубокий смыслом проникнут рисунок «отца» — «моряк». Мальчик, который не просто маршала, а то оружие, с помощью которого он впоследствии призывал и сплоченно трудиться, борясь

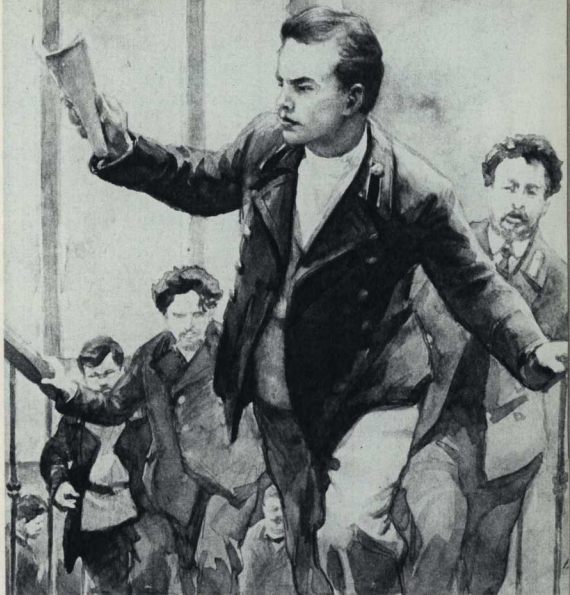
с врагами революции. Решение этого рисунка очень характерно для Жукова. Из всех возможных сюжетов он берет самый простой, но всегда обогащает его вторым смыслом. Рисунком благодаря этому приобретает в какой-то степени аллегоричность, а образ — особую силу и значительность.

Три публикуемых в «Смене» рисунка относятся к разным годам жизни Володи Ульянова. В основу одного из них легли воспоминания о том, как шестнадцатилетний Володя готовил к экзамену мушкетера Охотникова, плохо знавшего русский язык.

На втором рисунке художник изобразил Володю в момент, когда он слушает пугу матери на ролях. Юноша, видно, давно уже стоит так, прислонившись к двери, из-за которой слышится музыка. Лицо его чуть насторожено, в одежде мягкая небрежность, форменная курточка свободно распахнута. Эти простые детали создают настроение душевной открытости, мечтательности, вызванное музыкой.

Иллюстрация «На сходку» относится к студенческим годам Владимира Ульянова — одного из организаторов революционной сходки в Казанском университете. Рисунком, завершающий книгу, будет посвящен свиданию Володи Ульянова с матерью после его ареста. Пока еще рисунок не закончен, но, по мысли художника, этот сюжет должен дать представление о вступлении молодого Ленина на путь последовательной революционной борьбы.

О. НИКУЛИНА

На сходку.

Музыка.

Урок.

Молодому инженеру службы времени Владиславу Мохстоварову приходится взбираться на высокую радиомачту. Он проверяет работу мотора, вращающего антенну, которая принимает сигналы точного времени из многих стран.

ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Фото В. Тюнелла.

Знание Астрономического института на Ленинских горах издали можно приметить по бесчисленным алюминиевым куполом наблюдательных башен.

Институт носит имя большого ученого — Павла Карловича Штерберга. Зайдемте в институт. На стене одного из залов висит картина, изображающая самое большое событие в жизни выдающегося астронома.

Осень 1917 года... На высоком берегу Москвы-реки красногвардейцы установили орудие. Владав за рекой видны стены, соборы и дворцы Кремля. Там засели белогаardeйцы. Обстрелом руководит рослый человек в штатском пальто, с густыми черными волосами и окладистой бородой.

Это доктор астрономии Павел Карлович Штерберг, убежденный революционер-ленинец, искусный и бесстрашный полководец, долгие годы помогавший готовить вооруженное восстание в Москве.

В небольшом институтском музее среди старых астрономических инструментов и старинных часов лежат коробки с революверными патронами. В подлинс сказано: «Революционные пули, найденные в архиве обсерватории (1905 г.)».

В небольшом институтском музее среди старых астрономических инструментов и старинных часов лежат коробки с революверными патронами. В подлинс сказано: «Революционные пули, найденные в архиве обсерватории (1905 г.)».

Трудно ответить на простой, казалось бы, вопрос: почему ты избрал себе эту профессию, а не какую-либо другую? Может быть, все началось еще в детстве, в пионерском лагере под Казанью. Неподдалеку от лагеря возвышалась башня странной университетской обсерватории. Телеоскопы башни смотрели в таинственное звездное небо... Может быть, тогда и увлекся астрономией Эрнест Дюбай, ныне научный сотрудник, молодой кандидат наук, комсомолец.

Первую зачатку астронома-исследователя Эрнест получил в обсерватории Казанского университета, где он, уже будучи студентом, проходил практику. Да, зачатку, потому что нужны большие упорство, выдержка, чтобы успешно изучать звездное небо.

Однажды зимой ночью Эрнест пошел в башню обсерватории, чтобы сфотографировать созвездие Рысь. Стоя мороз под сорок градусов. Юноша стал наводить телескоп на созвездие. Мас-

синяя труба была точно уравновешена и поднималась легко, как воздушный шар... Вдруг Эрнест нечаянно дхнул на окуляр искателя. Стекло мгновенно покрылось тонким слоем льда. Молодой астроном протер его перчаткой, рукой, но очистить так и не смог. Как отскать теперь эту зловещую Рысь? В созвездии, как на грех, нет ни одной яркой, приметной звезды. Эрнест раскрыл атлас звездного неба и начал медленное путешествие по ночному небосводу. Искатель с его широким, как у бинокля, полем зрения был совершенно непригоден, и пришлось перебраться с одной звезды на другую. Наконец Рысь, притаившаяся в звездной чаше, была взята «на прищел». Можно фотографировать. Эрнест оставил в телескоп кассету и открыл штору. Выдержка — минут сорок. Звездное сияние так слабо, что фотографичекая пластинка лишь постепенно «накапливает» свет. И все это время астроном должен держать звезду в пересечении нитей, осторожно поворачивая телескоп по движению небосвода. Сделал первый снимок. Надо приниматься за второй. И так до утра...

В мощный телескоп на чистом небе можно заметить множество огромных звездных скоплений. Это устойчивые «густки» старых, «зрелых» звезд, которые миллиарды лет вращаются вокруг единого центра. Но недавно советские астрономы отыскали группы новых, очень ярких звезд, как бы разлетающихся в разные стороны. Может быть, это молодые звезды, которые еще не успели разойтись в космосе?..

Отсюда не видно звезд... Прибор, у которого дежурит сегодня юнгомосколка Галия Алезина, установлен глубоко под землей.

В наши дни человеку редко приходится определять время по звездам. А вот старший лаборант института юнгомосколка Галия Алезина никак не может обойтись без этого... С помощью специального инструмента он проверяет по звездам ход точнейших астрономических часов.

Открытие это имело огромное значение. Впервые люди могли воочию убедиться, что Вселенная непрерывно обновляется и на смену потухшим звездам рождаются новые светила, пополняя бесчисленное «аселение» звездного неба.

Среди этих «новых поколений» были найдены звездные цепочки. За изучение их и принялся молодой астроном. Нужно было доказать, что эти цепочки существуют в действительности. Нужно было высчитать возраст звезд. Эрнест изучал звездные цепочки в обсерваториях Армении и Грузии. Работа была успешно завершена.

Три года назад Галия Алезина поступила в техникум при Московском университете, где стала изучать радиотехнику. И вот техникум окончен. Галия начала работать лаборантом в Астрономическом институте.

Все было интересно в этом хранящемся точного времени, откуда подавались известные каждому радиосигналы. Просторная, светлая комната, вдоль стен стоят черные шкафы кварцевых часов. Посреди комнаты — пульт с удивительным прибором, способным слышать ход двух часов с точностью до десятитысячных долей секунды. Наротив пульта — ящики в ящиках. Под каждым из них, в глубоком подвале, в безвоздушном пространстве, раскачиваются маятники. Хотя их так тихо, что можно даже услышать, как влетят на них притяжение Луны и Солнца в разное время суток. Впрочем, самыми точными часами является являва планета.

И се вращение работных служебы времени засекать по циферблату звездного неба. Галия быстро освоилась. Теперь она часто дежурит у пульта, принимая сигналы времени со всех континентов. Время невозможно сохранить в одних часах, и «часы времени» всех стран мира помогают друг другу: одна проверяет всех, и все проверяют одну. Поэтому круглые сутки главная комната московской «служебы» наполнена радиосигналами, поступающими сюда со всего земного шара.

Молодые астрономы твердо знают: их знания и опыт очень нужны родному народу, творческий гений которого не знает предела, народу, который первым начал штурм космоса.

А. ШАМАРГО

СИЛЬНЫЕ ЗАДВИГАЮТ ГОРЫ

ТАЙНА АКСАКАЛА КАРОБЕКА

На джалал-абадском базаре фруктовую яруу смидт горцы надменный старик. Он громко хвалит свой товар и, когда покупатель все-таки проходит мимо, провожает его взглядом, полным презрения.

Плохо ты понимаешь товар! — кричит он вдогонку. — Со всем плохо! Посмотри, виноград солнца пил, какой стал! — И поднимает за веточку тяжелую гроздь изумрудно-красных ягод.

Имя старика — Каробек. Живет он в Сузаке, в нескольких километрах от Джалал-Абада. Дети Каробека работают в колхоза, а сам он занимается своим виноградником или сидит с друзьями-аксакалами в чайхане. Каробек очень любит, когда его называют аксакалом, потому что слово это означает «белая борода» и поноу уважения к старому, умудренному жизнью человеку.

От Сузака до джалал-абадского базара его подвозит на машине аяк Мухтар, шофер городского автобуса. Правда, Мухтар не одобряет пристрастия Каробека к частной торговле. Он подвозит аксакала исключительно из уважения к его старости да подпитал, когда тот гдето совершил ошибку, срамился против басмачей, и о которых так любит всем рассказывать.

И только один эпизод из своей жизни аксакал Каробек хранит в тайне.

Было это больше полувека назад, когда называли Каробека не аксакалом, а кайыном, батыром — смелым, отважным богатырем. Лучше всех умел он выследить в горах стадо баркоров, ловчее всех сидел на коне, дальше всех видел. И слово у Каробека всегда было твердым: если уж обещал, то исполнял обещание, чего бы это ни стоило.

Однажды появился в аяле торговец шелком и пряностями из Пшхвека I. Злой и усталый, он жаловался, что пробыл в пути тридцать дней, потому что дорога от Пшхвека петляет и кружит, обходя высокие горы. Его жалобы услышал юный Каробек. Он горделиво повел барок, свернул глазами и сказал, что может проехать в Пшхек караван выючных лошадей прямо через горы. И не больше чем за десять дней... Торговец шелком покаялся, что ослепил Каробека, если тот действительно поведет ему короткий путь — через могучие «небесные горы» — Тянь-Шань.

Каробек велел жене налить к утру барокану бузой — самодельный изумрудный вино, испещренное пестрыми звездами, а дорогу молодого баршача, а сам пошел к своему другу Усаму, чтобы пригласить его в трудную дорогу.

1 Старое название города Фрунзе.

Перевал Кок-Бель... Начальник строительного района Б. Б. Мечидияев объясняет задание бригадистам Анатолию и Геннадью Галчиным. Фото Ф. Короткевича.

...Каробек вернулся в аял к обещанному сроку. Но вернулся в разорванном чалпане, с расцарапанной щекой. Он не выходил из кибитки несколько дней, не принимал гостей и никому, кроме жены, ни слова не сказал о своем путешествии.

У подножия Тянь-Шаня его настиг силь — могучий горный поток, анаэло образованный от обильного дождя, прошедшего где-то вверху, в горы. Воде унесла в пропасть трех выючных лошадей, погоница и верного Усамы, попытавшегося спасти гурь. Каробек пережил силь и двинулся дальше.

Он обогнул горную гряду, нашел кийот-то неведомый перевал воды, лополпил с слески гурь. Каробек переждал силь и двинулся дальше.

«Горы не пускают!» — решили аксакалы. — Тянь-Шань не хочет показать человеку свое каменное царство.

Мухтар с детства знал эту историю и, быть может, потому долго боялся гор — не тех, что подошли близко к аялу, а других, далеких, величавых, на которые не таят снега даже в самые жаркие дни. Но потом, шлыкником, Мухтар част везд в горы, где был львовский лагерь, и полюбил Тянь-Шань. Тогда и закружил в душу мечта: проехать «небесные горы» до конца, сколько бы времени для этого ни потребовалось...

После школы Мухтар окончил курсы шоферов, начал работать в автобусах. Он много ездит по

городам и поселям, расположенным на юге Киргизии.

Однажды, возвращаясь в субботу из Уч-Курганя в Джалал-Абад, Мухтар завернул к дому Каробека, погрузил в кузов корзины с виноградом, рядом с собой в кабину усадил аксакала. Мухтар был необыкновенно весел, все дорогу насиствал песенки и, глядя на старик, загадочно улыбался. Каробек проморгал во взглядох своих стрелбных глаз и наконец не выдержал, спросил: — Почему такой веселый? Можешь, хочешь собраться? — На новую работу перехожу? — с напускным спокойствием ответил Мухтар. — Дорогу через Тянь-Шань строить буду.

Об этой дороге, от Оша к Фрунзе, аксакал уже слышал. Она должна пройти как раз там, где погиб Усам, где сожмились грозные горы и не пустили дальше Каробека. Аксакал не верил в эту затею. Он считал: где не прошла легкая киргизская лошадь, не пройдет никакая машина. Горы не пустят...

Но дорогу строили. И постепенно, метр за метром, она проделалась по долине от Оша до Джалал-Абада, от Джалал-Абада к Базар-Кургану и подошла к самым предгорьям.

Последний раз теб в базар отому — все так же спокойно пояснил Мухтар. — Затра уезжаю на комсомольскую стройку. Через два года, если захочешь, проехать теб по Тянь-Шаню до самого Фрунзе. В дороге один день, с остановками на завтрак, обед и ужин...

Старик недоволиво поджал губы.

— Напрасно ты это, — прошептал он. — Все равно горы не пустят!

ТОЛКО БЫ СКОРЕЕ РАБОТАТЬ

Мухтар Тешбаев ешел в кабинет начальника Ташкентского строительного района и без обиняков заявил о цели своего приезда:

— На работу к вам приехал. Прямете?

— А что уменешь! — в свою очередь, спросил Новиков. — Шофер а. Могу и машинистом экскаватора. — Мухтар протянул документы и присел на диван.

— Заполнил в кабинет рабочие и техник, на кого-то жаловался, деловито спорил с Новиковым и друг с другом, решали какие-то вопросы и, озабоченные, выбегали из кабинета, на ходу надевая кепки, соломенные шляпы, тобятники. А Мухтар все сидел на краешке дивана, очень довольный тем, что начальник не отослав его в коридор и, вероятно, забыл о нем. Но Новиков не забыл. Когда разговор с молодыми специалистами — выпускниками Сератовского автодорожного института, он подсел к Мухтару.

— Вот что: шофера нам пока не нужны. Хаает. А на экскаватор теб возьмем. Через неделю выйдет из ремонта «кубовый» — примешь машину. Согласен? — перед уходом Мухтар смущенно смаял.

— Я хотел поспирить... Если можно. Пока машина в ремонте, дорожку посмотреть.

— Смотри, — улыбаясь, Новиков сказал, — на полпути машины и смотри. Да начала мою с собой прихватить.

Дороги... Мухтар третий год ездит по ним и никогда не забудывался тем, кийот замечательный труд — строить дорогу. Потому что без дорог нет жизни, без дорог даже самый плодородный край будет мертвым.

Новиков сидел за рулем, аел машину уверенно, без лишнего напряжения, и этим окончательно покори Мухтара. Там, где столпились зеленые полевые вагончики, «газик» авторемонтный.

Второе пробство — пояснил Новиков и не успел вырваться из машины, как старший прораб Люберанский оглушил его своим густым, сильным голосом:

— С Обода все машины стану. На камнепогрузчике цепь понула.

— Садись! — скомадилвал Новиков, и потрелянный экскаватор гулика с места.

Молодежный машинист погрузчик ходил возле желазной громадины и в который раз заглядывая под ковш. Новиков подошел к машине и тоже заглянул под машинку, а потом начал долго и обстоятельно что-то объяснять машинисту и Люберанскому.

Начальник строительного района — механик по специальности — хорошо разбирается в машинах. Эти знания особенно вы-

ручток теперь, когда на стройку привез много материалов. Новиков унит своим молодым помощникам прямо на дороге, у остановившихся машин. Унит осторожно, тактично, будто случайно зашел на участок и случайно оказался нужным.

— Ну, сделаете теперь? — ободоряще спросил Новиков машиниста.

Паришка приподнял бровей, и спрашал под ней морщил вислоконный чуб и повеселев, взялся за ключи.

И снова мелкая белая ровная поверхность, высокие бетонные мосты.

— Коварные туи реки, — рассказывал Новиков. — Только и жди от них пакостей. Вдруг выбухлет нар на чью нибудь ногу. Едет на участок — зарплату рабочим выдает — и адри — сади догоняет вода. Да как! Настоящая сила. Хорошо, что место уклонное оказалось — машину на склоне горы успели вывести... Мы с собой борбу взяли. Поверх по дороге, увидишь: бетонные лотки устанавливаем, трубы для отвода воды прокладываем.

В прорыве Сидорова, где сделали вторую остановку, мотодой паров в клетчатой ковбойе с доской развел руками:

— План-то на энтузиазме выполняем! Экскаватор опять стоит...

Экскаватор действительно стоял, уныло уткнувшись ковшом в стенку карьера. Рядом грязь земли второй экскаватор. Сверху на осветительном солнце его можно было видеть. Под стеной подползли тяжелые самосвалы. Машинист экскаватора Петр Фирсов, увидев начальника, заглушил мотор.

— Проврал! — крикнул ему Новиков. — Отца орденом награди.

— Знаю про отца, — кинул головой Фирсов. — А меня-то с чем поздравлять? Шляпу тут? Грунт бы только обратный заваливать.

Он выключил мотор. Экскаватор набрал полноватый ковш грунта, а тот же момент открылся поддон, и грунт высыпался.

— И у него скоба сработала, приварить надо, — кинул Фирсов в сторону другой машины. — Который час сваришка ждем.

Мухтар поймав себя на мысли, что от него чешется рука. Он из завидовал уютно сильному, грубоватому парню. И ему вдруг захотелось сесть на место экскаваторщика, в расклеванную солодку кабинку.

«ДЕВЧАЧЬИ БРИГАДЫ»

От экскаваторщиков Мухтар пошел на попугийн Трухина. Он был третьим в кабине. Кроме водителя, там сидела девушка, Белокурова, загорелая, в народном шкотовом пальто. Мухтар узнал, что это спутница — бригадир «девчачьей бригады» Тамара Подлинникова. Пока проезжали по городу, она останавливала машину возле каждого магазина, то ропливо высилавала из кабины и каждый раз возвращалась расстроившаяся.

— Еще на Северном руднике промтоварные есть, — говорил шофер и глял глазами «ЗИЛ» в горном поселке.

Тамара искала баян. Но его не оказалось и на Северном. Девуш-

ка только выдала и в всю дорогу потом рассказывала о том, как хорошо поют парни и девушки на прорабстве Трухина, где она работает, как мечтают они о баяне, а сейчас, наверно, с потерей интереса идут на взоружения.

...Машина минувала подвесной мост, и дальше дорога пошла по краю ущелья, на дне которого зловеще шумела мутная, стремительная река. Над рекой, восточнее дома, дорога поднималась на крутые повороты, делала коварные повороты.

— Ну вот, Северный перевал проехали, — сказал шофер. — Рядом дорога на семьдесят метров выше шле. Не дорога, а западня... Опасное было место! А потом строители пришли, заложили в скалу шестидесят тонн аммиачной — на сорках машинка поведели — и взорвали. Опустели полотно дороги на семьдесят метров. Теперь этот перевал только по привычке зовут Чертовым...

Наконец их догнал Начальник «девчачьей Тамаринной бригады». Они работали небольшими группами, одни бетонировали parapety, ставили надобны, другие мостили коветы, третьи возводили стены, четвертые сваливали подпорные стены, которые должны были защищать дорогу от осыпей. А еще дальше начиналась рабочий участок другой «девчачьей бригады» — рабочих руководила Вагиза Гайнуллина. Девушки воздвигали подпорную стену из железобетона. Их работу придиричив принимал десятник Иван Ефимович Литвинов, единственный человек в бригаде в прорабстве Трухина.

Как раз наступило время отакования перерыва, и девчата отключили машину. Они тихо попрыгали к машине, и там, в сумерках, унули песню. Тамара зажегла вздохнула и смеялась. Ее еще не заметили. Зато ковы подхватали и лагери и Тамара вышла из кабины, чтобы отступить. Тамара и парни — шумели, возмущались, переспрашивали.

— Нашли кого посылать! — вдовето сказал грейдерист Матвеев Валентинович. — Лучше бы из ребят кого...

Тамара к каждому обстоятельству поворачала, что баянов в магазине пока нет, но что через два дня они будут и она обязательно съездит в Ташкумыр.

Облада Мухтар, как и она, в полевой столовой, на открытом воздухе. Ребята ели с аппетитом, шутили, посмеивались.

К столу подсел старший десятник Туган Мирзалов и, пока Мухтар не спускался, рассадил Катю Надя наливая ему борща, стал просматривать только что полученную ведомость выполнения работ по бригадам. Саша Решетов сидел напротив Мухтара и подполкнув локтем сидевшему рядом Файму Кулову.

— Обставили мы вас, девчачьи красавицы!

Мухтар — поджала на него гугиче черные глаза Файмы.

— Обставили, говорю, — весело подмигнула Саша. — Мы, бетонщики, на сто сорок три процента сработали, а у вас только сто.

Девчата насторожились, а Файма повела озорными глазами и сказала громко, чтобы все слышали:

— Это мы нарочно отстали, а вы о вас так плохая слава, а шла. Какже, говорят, так мужчи-

ки, если за «девчачьей бригадой» не угнаться!

Мухтар сидел за столом напротив Файмы и не мог оторвать от нее глаз. Красные брови девушки сходились у переносия, туловище выгибалось на грудь. Мухтару не хотелось, чтобы кончался обед, не хотелось уезжать с прорабства Трухина, где бетонщики выполняли нормы на сто сорок три процента, где работала красавица Файма, а по вечерам девчата пели хором песни. Но в сторону Токтогула шл бензовоз, и шофер позвал Мухтара. От него Мухтар узнал, что Файма приехала на стройку на Фергана, Тамара Подлинникова — ленинградка, а Саша Решетов родом из Батуми...

И как только о нашей стройке заезде узнали? — проговорил шофер. — Хотя как не знать: она ведь комсомольская.

Сноа наступали на машину развороченные аммиачные сквалы. Мухтар узнал, что дорога была трудной и опасной — узкой временной, которая необходима строителям, чтобы подвозить материалы, подвозить технику.

Мухтар — шофер, но и у него неволью холодело сердце, когда бензовоз взбирался на высокий перевал по серпантину узенькой дороги. Совсем рядом уходила в небо вершина, на склонах которых драмались тучные облака.

Бензовоз преодолел еще один перевал, и вперед открылась панорама великолепной долины. На склонах разбросанные строения кизилуны, в воде кукались сильные погуби реки, в урюковых рощах гнулись ветки под тяжестью переспелых плодов... Но долина кончилась, а бензовоз пошел на гору. Здесь на часах другой строительный район — Токтогульский.

Медленно, как жуки, ползли по крутым склонам бульдозеры и экскаваторы. Мухтар попросил шофера остановиться, подошел к машинам и увидел, что управляют ими такие же, как и он, молодые парни.

— Братя, Геннадий и Анатолий Галчины, — шутило отрекормовались ему бульдозеристы.

— Молодежь кругом, — улынулся Мухтар.

А как же! — согласился Геннадий. — У нас даже самому Мивчидзе, начальнику строительного района, тридцать лет нет.

И везде по дороге, где бы ни останавливалась машина, Мухтар обязательно встречал своих сверстников-комсомольцев.

ПЕРЕД СИЛЬНЫМИ ГОРАМИ РАСТУПЯТСЯ

Долго кивали Мухтар по будущей автотрассе, пересаживаясь с бензовоза на самосвал, с самосвала на порывливый газлик. Долго вела его временка по каменному царству «Евнесибских гор» и наконец завела туда, где нет больше ни дорог, ни горных троп, — завела в янтарную скальную чешелью. Здесь — жесткая ирпунный холодный дождь, до ледяной воды, и Мухтару казалось, будто попал он на другой край света, где в вьюгу года «аруло». Но все объяснил шофер: временка завела его на высоте 2300 метров.

Он остался на ночлег в теплой, уютной избе пастенника и, пока не потухла керосиновая лампа, распрямившись его об измак-телех, которые несколько дней назад стоили у него в складках. Теперь — теперь — ушли дальше в горы, где нет даже зверных троп.

На много километров вокруг избитая пастенника не дружит ни с стариком, ни с молодой женщиной в одиночестве, говорит охотно и много. С его помощью Мухтар мысленно перевел мрачную цепилку, которая тянется на пятнадцать километров, восточнее автотрассе до Фрунзе, а Ош, проехав по ней через плодородную Сумсарскую долину, преодолевала перевал Тоя-Ашу, а спустившись вниз, достигала московских метростроевцев!

Подъем на перевал Тоя-Ашу, расположенный на высоте 3600 метров, очень трудный. Первая часть заносит снегом, по остальной же вьюгой отсыпается щебень, даже тракторы! Ранней осенью, когда вьюгу еще не созрел гребной орах, Тоя-Ашу забивает снегом. Поздней весной, когда вьюгу отсыпает маку, через Тоя-Ашу нельзя проехать, и тоже из-за непроходимо снега. Поэтому-то было решено проехать Тоя-Ашу, строить высокогорный тоннель, а в метростроевцев помысли.

Вместе с метростроевцами работает сын пастенника Камиль, и от него старик известны все подробности жизни в поселке Тоя-Ашу. Он знает, что месяц назад штурмом был взорван старый доломер и что надо пройти еще столько же. Порода плотная, скальная, прохадет ее по два метра в сутки.

Мухтар слушал старика и пытался представить себе, как выстроится скваля измактели, ищут место для трассы, выключают колышки-пикеты, по которым пойдут строители... Идут в забой комсомольцы-метростроевцы и шуруют доломером, доломером и что надо пройти еще столько же. Порода плотная, скальная, прохадет ее по два метра в сутки.

Мухтар слушал старика и почти видел: стоит на дороге верстовой столб с цифрой «16». Выше гремат машины, они грукуют камнями, сбрасывая в ущелье осколки. Но впереди — концы Воярды — и беспрерывная Чуйская долина и по ней — прямая, звонкая, как натянутая струна, дорога до самого Фрунзе!

Мухтар даже представил себе, как поведет он по этой стремительной дороге машину, а рядом, в кабине, будет сидеть черноробая красавица Файма... И тут же вспоминал слова Керобина, сына звонкого старика, говорившего шепотом: «Направо ты это... Все равно горы не устоят!»

Вспомнил и усмехнулся... Горы! — Велючьева, ирпунные горы. Они не устоят — но перед сильными они раступятся. А на строительстве автотрассы Фрунзе — Ош работают сильные!

Днялав-Алад — Ташкумыр — Токтогул — Фрунзе.

Кончились лекции, и на просторной веранде университета встретились молодые поэты и прозаики: сегодня очередное собрание студенческого литературного объединения. Хамид Каримов читает товарищам свое новое стихотворение.

САМЫЙ МОЛОДОЙ УНИВЕРСИТЕТ

— Хороший врач должен безошибочно читать электрокардиограмму, — говорит старший преподаватель кафедры анатомии и физиологии человека Ляна Шауцулова.

Футбол, волейбол, баскетбол, плавание — да разве перечислить все виды спорта, которыми увлекаются студенты университета! На стадионе и в спортивном зале проходят острые встречи.

В центральной части Большого Кавказа, на его северных склонах, расположена Кабардино-Балкарская автономная республика. До Октябрьской революции это была полуфеодальная окраина России; народы, населявшие ее, испытывали тяжелый гнет царизма. Они были лишены политических прав, не имели даже своей письменности. В Кабарде и Балкарии насчитывалось лишь двадцать девять начальных школ и одно среднее учебное заведение.

Новая жизнь пришла в Кабардино-Балкарию после 1917 года. На многоводных горных речках выросли электростанции, появились заводы и фабрики, которые выпускают теперь продукции в 450 раз больше, чем вся промышленность края в 1913 году.

Благодаря достижениям Кабардино-Балкарии и в области национальной культуры, народного образования. В республике ликвидирована неграмотность, выросли свои национальные кадры педагогов, врачей, механизаторов. А в прошлом году в столице Кабардино-Балкарии — городе Нальчике — открылся университет. Сейчас он самый молодой в нашей стране. Работников одиннадцати специальностей готовит его факультеты.

В университете обучается более 3 тысяч студентов, из них 1400 — из заочных отделений. Кабардинцы, балкарцы, черкесы, абхазы, армяне, грузины, осетины — юноши и девушки разных национальностей Кавказа — овладевают здесь знаниями по истории Кабардино-Балкарского, русского языка и литературы, промышленности и гражданского строительства, агрономии и зоотехники. В университете созданы все условия для того, чтобы юноши и девушки могли хорошо учиться, стали высококвалифицированными специалистами.

В многочисленных лабораториях и кабинетах, в учебных мастерских, оборудованных новейшей аппаратурой, можно проводить сложные опыты в области молекулярной физики, астрономии, высшей математики, селекции и генетики.

Большое внимание уделяется изучению ресурсов родного края. С этой целью организуются различные студенческие экспедиции — археологические, этнографические, лингвистические. Студенты ведут наблюдения за флорой и фауной Кабардино-Балкарии, изучают ее исторические и археологические памятники, занимаются поисками новых месторождений строительных материалов, лесных ископаемых. Университет оказывает большую практическую помощь промышленности республики в освоении богатства недр.

Фотографии, которые мы помещаем здесь, рассказывают о жизни, учебе и отдыхе студентов одного из самых молодых вузов страны — Кабардино-Балкарского университета.

В. ЧЕРНЫШЕВА

С гордостью называет себя студенткой Кабардино-Балкарии Тамара Афашигова.

Студенческий вечер... Эстрадный оркестр университета начинает концерт.

Балкарец Харин Кириллов недавно строил дома. Теперь он учится на сельскохозяйственном факультете, активно участвует в работе научного студенческого общества. Сейчас он трудится над проблемой повышения плодородия почв нагорных пастбищ.

УЖОБИ

ТВОЙ ЦЕХ, ТВОЙ ЗАВОД—ЭТО НЕ МЕСТО ВЫНУЖДЕННОЙ ПОСАДКИ!

I

Погожим сентябрьским днем в институтальном цехе завода «ЭФ» вошел паренек. Оглядевшись настроенно по сторонам, он сказал строгальщику Тарасову:

— Меня направили к вам. Работать у вас буду.

Тарасов внимательно посмотрел на паренька:

— На заводе впервые?

— Да. Десятилетку в этом году закончил...

— Очень хорошо, — одобрил Тарасов. — Рабочую закалку, значит, решил получить. Как звать-то?

— Володей.

— Хорошо, Володя. Грамотные люди нам очень нужны.

Сам Тарасов был рабочим человеком и никак оценивать людей по тому, как они относятся к труду, Ленинтае и белорусуч герпеть не мог. «А работу надо ходить не потому, что там зарплата дает. Сердцем надо любить свое дело, душой ему отдаваться», — говорил он.

Первый чертёж, который дал Тарасов новичку, тот прочитал без малейшей ошибки.

— Сразу видно, что десять классов окончили, — одобрительно проговорил мастер. — Самому Тарасову эта штука давалась не сразу. Не хватало знания, война преврала учебу; потом обвлекся семьей, и долгое время трудно было заставить себя сесть за книгу. До Володи у него, как у лучшего строгальщика завода, перебивало немало учеников. Разные это были люди. Одни сначала никак не могли освоить станок, и им десять раз приходилось объяснить его устройство; другие хотели в три дня овладеть любой профессией, и до того недооценили Тарасову своими расспросами, что он в конце концов сердился и говорил:

— В три дня строгальщиком не станешь! Это дело требует времени и упорства!

Однако Володя не недооценил Тарасову ни первых, ни вторых. Чертежи он разглядывал скрупулезно взором, точно все, что происходило в цехе, его не касалось или было ему уже известно. Давать работу — хорошо, не давать — тоже хорошо.

Он никогда не подошел сам к мастеру, ни о чем не расспрашивал. Он молчал. Ути и характер — удивлялся Тарасов и злился. — Уж лучше бы кричал, чем это молчалие.

Прошел месяц, другая Володя не только разряд, за ним закрепился два строгальщих станка. Он уже был не учеником, а рабочим. Казалось, наступило время, когда можно было уже всех сил трудиться. Но все шло по-прежнему.

— Ученика тебе бог послал! Его дома, видно, одной манной кашей кормят. Не работает, а волынку тянет, — говорили Тарасову строгальщики.

Непривычен он к физическому труду. Обмыкает — потянет, — выгораживал Тарасов Володю, однако этого и сам плохо верил.

Строгальный участок был небольшой, и Тарасов, работая неподалеку, подмечал каждое движение новичка. Вот он переключил станок на рабочий ход, а сам устремился в одну точку.

— Ты чего воровать считаешь? Смотря, деталь заворачивай! — окрикнул Тарасов.

Володя на минуту вступенулся, посмотрел на деталь, и снова на лице его отразилось полное равнодушие.

— Одиждж Тарасов не выдержал и участливо спросил:

— Скажи-ка откровенно: не болен ли ты? Или, быть может, дома что неладит?

— Нет, у меня все хорошо, — растерянно проборотал Володя.

— А деньги есть? Обедать — не отставал проборот, по опыту знаю, а с новичками всякое бывает.

— Деньги? — переспросил Володя и поспешно вынул из кармана помятую сторублевку. — Есть, конечно.

— Так, может, тебе дело не нравится? — Нет, почему же? Ничего, — проговорил Володя.

Тарасов разозлился:

— Работать надо с душой, а не киснуть возле станка!

Вскоре в цехе о Володе стали поговаривать: «Станки только занимает! Дневное задание еле-еле вытискивает. Разве это работа? Плано то за него кто будет выполнять!» И Тарасов решил, надо побывать у парня дома, может быть, Володя что-то скрывает.

— У парадной двери Тарасов долго поглядывал галстук, одергивал пиджак. Дверь открыла полная мать в черном платье. Она пригласила мастера в комнату, а когда узнала, что Тарасов пришел с заводом, на котором работает сын, тут же ахнула:

— Говорите скорее, что случилось с мальчиком!

Тарасов поспешно ее успокоил: с Володей ничего плохого не произошло, просто он решил узнать, как живет его ученик, и хочет познакомиться с его родителями.

Квартира располагалась в отдалку. Ковры, микроволновая печь, рояль, на полке книги в тисненых переплетках.

— Если бы вы только знали, как Вовочке трудно! Встае рано, одеться прилично не может. И эти инвентарные работа...

— В цехе он вроде не перегружается... — сухо заметил Тарасов.

Хозяйка дома, почувствовав, что сказала не то, — замолкла.

— А где ваш муж? — спросил Тарасов, полагая, что с отцом Володи ему будет договориться легче.

— Мой муж оченм занятый человек, он редко бывает дома, — объяснила Володина мать. — Жаль! — с сердцем вымолила Тарасов и, чувствуя, что его присутствие тяготит хозяйку, стал прощаться.

Провожая Тарасова, Володина мать вздохнула:

— Ах, скорее бы все это кончилось!

Тарасов не спросил, что, собственно, должно кончиться и на что стелет женщина. Мастеру не понравился пренебрежительный тон, с каким она говорила о работе Володи. «Разовалась бы, что сын занят настоящим делом! Так нет же, ахает, будто ее Вовочка переносит горькую муку!» Впрочем, — подумал он, — так, пожалуй, и есть! Умучается человек.

II

В тот же вечер, когда Андрей Иванович, отец Володи, вернулся с работы, Лариса Петровна с раздражением завывала:

— Был человек с Вовочкиного завода. Сам приходил, не поймаю. Мне кажется, надо тебе договориться с кем следует и перевести его в другой цех. К нему начинают там придираться, требовать... Если и дальше так пойдет, он не сможет держать связь экзамен в институт. Надо подыскать ему работу полегче.

— Опять полегче! — поморщился Андрей Иванович. — Нет, Никакуда больше я устрои-

вать Володю не намерен. Понимаешь, не намерен!

— Ах, господи! — всплеснула руками Лариса Петровна. — Все таои принципы. Вот Сергеев устроил своего Игоря в какую-то там артель. Сидит пьездь, и эстетика на бумаге выклеивает, просто и несомнительно. А ты: «Не буду». И в Ленинград тогда не поехал, даже добился, чтобы Вова был принят в институт.

— Сколько раз я тебе говорил, — возмущался Андрей Иванович, — чтобы ты не прятала Вовку за мою спину! Десятидцать лет парню — нусть сам пробивает дорогу в жизнь!

— «Пробивает» дорогу... — перерезали слова Лариса Петровна. — С думи ты, что это случилось? Не знаешь, как теперь работа пошла в институт?

— По-моему, с твоего же согласия мы решили послать Вову на завод. Для поступления в вуз ему потом предоставят льготы.

— Но кто думал, что за завод так тяжело? Вот ты отец! Ты обратил внимание, какие у Вовочки руки? Все в ссадинах, мозолях!

— Оди уродушь парня! Ты... — начал было Андрей Иванович и оскеса. Он вспоминал кислое лицо сына, когда тот одиждж пришел с работы. Как равнодушно он рассказывал о своем новом поавании, о цехе, о станке, о кинго? Недавно Андрей Иванович случайно достал кинго по строгальному делу, думая, обратится Володя. Но тот перелистал ее и сдуху проговорил:

— Подожжи ко мне на стол.

— Через несколько дней отец понервничался, поправилась ли книга. Но Володя к ней даже не притрагивался...

— Как же это случилось? Андрей Иванович потелевал авски и устало отключился на спинку стула.

— Вот Вовочка еще совсем маленький. Он совсем семилет ножками, его ведут гулять. Овня хочет даять с собой лопатку и слепить слякучки.

— Что ты, разве можно играть на таком морозе? Ты протрудись, заболелш. Положи лопатку на место!

И Вова уходит без лопатки. Он вытнулся, подрост. Мальчик стремится проявить самостоятельность, просит мать, чтобы его не проважали в школу, товарищи по классу давно ходят без проважателш. Но Ларису Петровну невозможно убедит.

— Мой сын не безпринорич, не сирота! Пока я жива, он будет ходить в школу со мной!

Может быть, все это мелочи, на которые всерьез не стоио обращать внимания? Но не они ли, эти мелочи, сделали сына таким?

Андрей Иванович вспоминал свое детство. Он был восьмью. Отец работал на железной дороге путевым обдочником. Трудно приходилось семье. В десять лет Андрей уже помогал отцу: заправлял фонарь, осматривал вместе с отцом железнодорожное положение, рубил дрова, носил воду, пас корову. Нет, его не страшила труд! Почему же сын так безразличен к делу? Почему он хочет поступить в институт, но разве мало примеров, когда на предпринятые молодые люди находились все наилучшее место в жизни? Почему же у сына получается иначе?

Так думал Андрей Иванович, и думи эти не приносили ему облегчения.

III

Тарасов внимательно присматриваясь к Володе. Ему казалось, что должен же наконец наступит день, когда парень придется за дело, почувствует себя своим в коллективе. Может быть, он увлечется общественной работой, примет участие в художественной деятельности? Тарасов вспоминал, что в доме Вови стоял рояль, и кто-то из рабочих говорил, что у новичка неплохой голос.

Одиждж после смены он подволав Володю и сказал:

— Мы готовим концерт художественной самодеятельности, собираемся ехать в подшефный колхоз. Не примешь ли ты участие в хоровом кружке?

Володя замолчал.

— Начал было он, но тут же, спохватившись, инвнул головой. — Что же, я не протав!

ЮНЫЕ УМЕЛЬЦЫ

У Володи оказался неплохой баритон. Он начал ходить на репетиции.

«Ну, наконец-то, — с облегчением подумал Тарасов, — расшевелился парня! Принимают к коллективу, а там, быть может, и к работе отношения переменят».

Но надежды Тарасова оказались обманутыми. Когда кружковцы уже рассаживались на автомашину, чтобы ехать в подшефный колхоз, Володя пришел с завязанным горлом и молча подал руководителю кружка справку от врача. Тарасов, узнав об этой истории, возмутился.

— А знаешь, — сказал он на другой день, подходя к станку, за которым стоял Володя, — я бы не согласился служить с тобой в одной роте.

— Почему? — не поняв, спросил Володя.

— Мне кажется, — продолжал Тарасов, — человек, который может подвести товарищей в малом, подведет и в большом!..

...Тарасов был терпелив. Он все еще не терял надежды: «Вот дождется горячий рабочий, тогда и расшелем парня».

Случай вскоре подвернулся: в цех поступил срочный заказ. Надо было изготовить блоки для новых штампов.

— На нас с тобой, брат, сегодня весь завод смотрит. Заказ срочный, смотри, не подкачай! — сказал Тарасов молодому рабочему.

В обеденный перерыв он подошел к Володе, чтобы узнать, как идут дела.

— Ну, как покаялась, сколько сделал!

— Возле станка он увидел несколько незаконченных блоков.

— И это все? — не скрывая раздражения, спросил мастер.

— Вещ! — с вызовом ответил Володя. — Что вам от меня надо? — неожиданно крикнул он.

Тарасов, стараясь казаться спокойным, проговорил:

— Удивляюсь. Ты сильный, молодой парень, а работаешь, как инвалид!

— Ну и ладно! Работая, как умел! — откликнулся Володя.

— Нет, не ладно! — заговорил возмущенно Тарасов. — Я думал, что ты пришел сюда с желанием научиться ремеслу, а теперь вижу: не нужно тебе ремесло, и завод тебе не нужен! Зачем ты пришел на завод? — И, вдруг разозлившись, крикнул: — Отвечай!

Губы Володи задрожали, и он проговорил, запинаясь:

— Я скоро уйду, честное слово, уйду! Мне только справка нужна для поступления в институт...

Тарасов задохнулся от ярости. Ему стало жаль времени, которое он потратил на обучение этого парня. Жаль потому, что оно требовалось другим, пытливым, горячим ребятам, для которых работа была необходимою, источником вдохновения, а не средством легкого поступления в институт.

И Тарасов вспомнил другого своего ученика — Алексея Соловьева, маленького, шулячьего паренька с лицом, усыпанным ржыми конопушками. С какой живостью он хватал на лету каждое слово мастера! А как старался! Вспоминал Тарасов и тот день, когда Миша получил свою первую зарплату. Бережно запернул он деньги в платок, застегнул его английской булавкой и спрятал в карман. Он знал им цену. Они шли в тот день с работы вместе.

— Сколько ты классов окончил? — поинтересовался Тарасов.

— Девять, в десятый с осени пойду. Буду работать и учиться. А потом — в вечерний институт.

— В какой?

— А по нашей с вами специальности. Инженером буду по холодной обработке металлов.

Тарасов твердо знал, что из этого любознательного, жаждущего к труду паренька вырастет отличный инженер. Нет, Мишке не требовалось справки! Он шел в жизни не окольными путями, не делал из цеха места вынужденной посадки. Какая глубокая разница была между двумя учениками!

...Этот, что стоял сейчас перед ним, покурив голову, казался Тарасову жалким и безнадёжно чужим. Тарасов махнул рукой и шагнул к своему станку.

г. Рига.

— Внимание, внимание! Говорит школьный радиоузел. Передаем объявления...

В коридорах Баламутовской средней школы стихает гомон: диктор сообщает о репетициях хорового кружка, о пионерском сборе в пятом классе, о работах на пришкольном участке!.

Кто-то из школьников деловито замечает:

— Виктор объявляет. Молодец!

Ребята знают своих дикторов: ведь радиоузел создан самими школьниками — участниками кружка «Юный техник», которым руководит преподаватель физики и директор школы Иван Иванович Дикстар.

Своими силами школьники построили мастерскую. Они закладывали ее фундамент, возводили стены, штукатурили, красили. Колхоз помог сделать крышу. Теперь в этой мастерской юные умельцы конструируют различные приборы, детали машин. Вот короткая история дел, совершенных юными техниками.

Электрический звонок... Ребята сделали его из старого радиостанционного телефона, за ненужностью висящего в сельсовете. Поворот ручки — и звонки на урок или перемену с помощью передатчика и принимающих антенн раздаются сразу в трех зданиях школы.

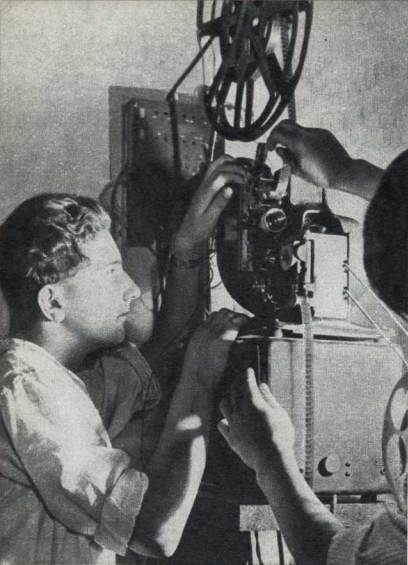
Школьная электростанция... Для изготовления ее были использованы сломанный движок и отключившая его динамо-машина, которые принадлежали МТС. После перемотки генератора и ремонта отдельных частей движка вспыхнул электрический свет.

В авторучке под руководством преподавателя черчения Леонида Нагорного занимается сенидывать ребят. Некоторые из них уже имеют любительские права... Эту машину кружковцы восстановили сами.

Фото А. Моклецова.

А это знаменитый вертолет «В-1». Испытания окончены, можно его, пожалуй, и разбирать.

Кружковцы своими силами реставрировали кинопроектор «16-ЭП». Сегодня Василий Пискаренко и Саша Короткий демонстрируют фильм «Пионерия № 4», снятый Киевской студией, о работе кружков Баламутовской школы.

За рулем ученик 7-го класса Григорий Синаев.

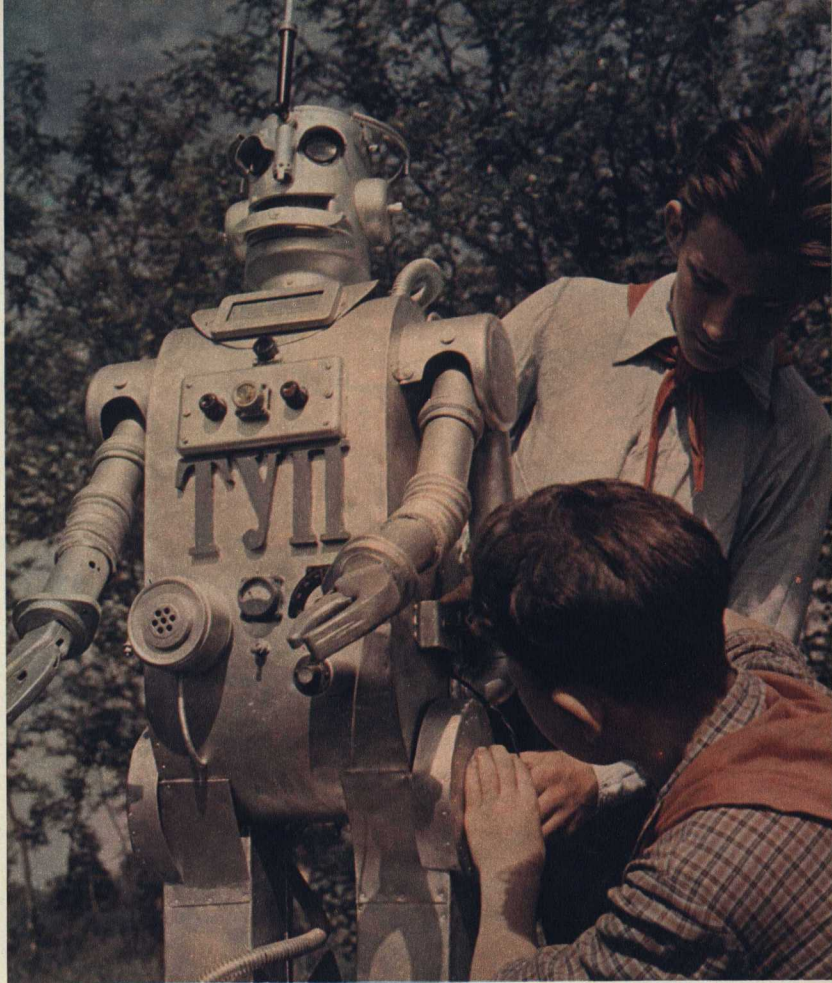

Кинозал... Экран смонтирован на стене одного из самых просторных классов. Конструкция киноаппарата выбрана самая простейшая. В школе есть и свои киномеханики, которые самостоятельно показывают учебные фильмы; художественные кинокартины демонстрирует клубный механик, который устраивает в школе специальные дневные сеансы. Смотреть кинокартины приходят не только дети, но и взрослые.

Планер-вертолет «ПВ-1»... Только мотор для рулевого винта был взят от мотоцикла «К-125», а все остальное — ведущий и рулевой винты, фюзеляж и реактивные двигатели для ведущего винта — было сделано ребятами. Первый полет совершил сам Иван Иванович Дихтар, который в годы Великой Отечественной войны был летчиком. Полет был недолгим, и машина не слушалась руля. Но собравшиеся были свидетелями того, как машина поднялась метров на двадцать и затем плавно спланировала на землю. Сейчас юные техники конструируют вторую модель, в которой они учтут и исправят недостатки «ПВ-1».

Но, пожалуй, самым сложным в учебном механическом человеке — работа. Конечно, не сразу ТУП (так называется механический человек) стал ходить, как мы видим его теперь. Вначале он только катился на роликах и с трудом поднимал руки. Но неудачи не останавливали ребят. Немало труда было приложено ими, чтобы ТУП стал выполнять выполнять различные приказания, рассказывал о себе: «Я телеуправляемый прибор, сделанный учениками школы села Баламутовки. Я беру руками предметы, наливаю воду, разожу и подаю газеты...»

Татьяна Москаид и Зеня Баран — участницы республиканской сельскохозяйственной выставки.

Еще минута — и робот даннется в путь.

В создании робота принимали участие все школьники. Старшеклассники производили расчеты частей, монтировали управление, заготавливали детали, а ребята из младших классов занимались более простыми операциями. Теперь механический человек выполняет много разнообразных приказаний, которые отдаются ему на расстоянии более километра.

Но не только техникой интересуются юные умельцы. Последовав примеру Ивана Ивановича Дихтыря, другие учителя

прививают школьникам полезные знания и навыки. Так, учительница русского языка Нина Александровна Пасек ведет кружок рукоделия. Заведующий учебной частью Владимир Дмитриевич Пашута занимается со школьниками фотографией. По инициативе учительницы биологии Розы Демьяновны Пашута при школе сооружена теплица и разбит фруктовый сад. На приусадебном участке выращиваются гибридная кукуруза и сахарная свекла. Хозяйство ведется образцово, с учетом современ-

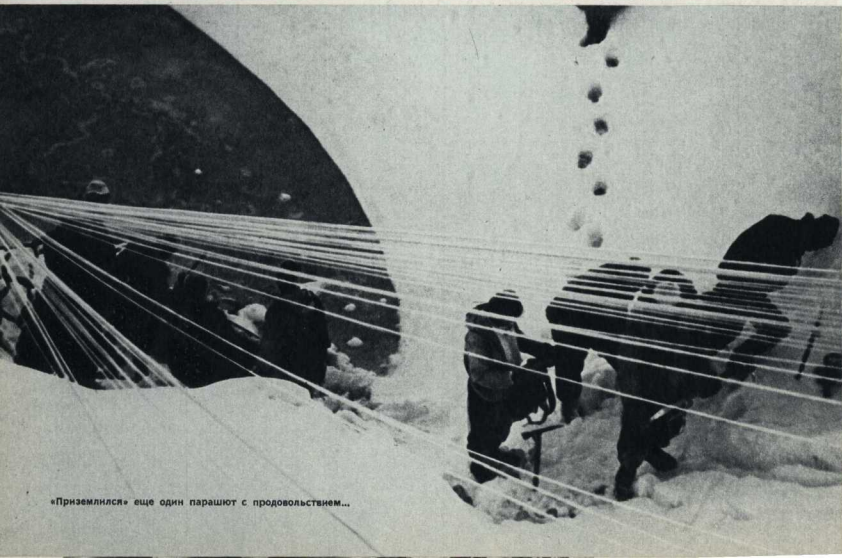
ных методов агротехники. Даже звеньевые колхоза приходят за советом к школьникам, у которых действительно есть чему поучиться. Ведь ребята являются обладателями двадцати трех медалей областной сельскохозяйственной выставки.

Участие в кружках помогает школьникам успешно учиться, правильно выбрать себе будущую специальность. Хорошими делами заняты школьники маленького украинского села Баламутовка!

А. ХЕХЛОВСКИЙ

Всеми цветами радуги вспыхивают эти ледяные сталактиты в лучах горного солнца. Отсюда открывается величественный вид на суровую горную страну.

«Приземлился» еще один парашют с продовольствием...

ДОРОГЕЙ БЕССТРАШНЫХ

В долине реки Сарыджист пришлось перекидать непогоду. Сейчас, когда метель немного улеглась, мастер спорта Иван Богачев (справа) и перерозрядчик Саша Кабалаевский опять готовы тронуться в нелегкий путь.

Советские альпинисты давно мечтали совершить этот переход: пройти траверсом перевес массив пика Победы, преодолеть труднодоступные районы Тянь-Шаньского высокогорья, где еще не ступала нога человека.

Это была одна из самых больших экспедиций, в которых когда-либо участвовали альпинисты МГУ и Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана. Она состояла из шестидесяти человек: возглавлял ее мастер спорта Игорь Ерохин.

Подготовка к траверсу началась еще весной. Базовый лагерь решено было расположить на леднике Звездочка. Готовили его две группы альпинистов во главе с заслуженным мастером спорта В. Галушковым и П. Скоробогатовым. Остальные участники экспедиции оставались пока в Приевальске; они шили себе на швейной фабрике абалонские носки и готовили другое снаряжение.

Илья Соколов и Коля Володичев превратились в заправских «скалолазов»: они зачистили в Приевальске овец и доставляли их в горы сначала на автомашине до Кенсу, а затем, соорудившись рюкзак для защиты от волнов, гнали стадо в лагерь на леднике Звездочка.

После многодневных тренировок начался переход в базовый лагерь. Первое испытание настало нас у перевала Тоо. Разыгралась буря. Все вокруг завалено плотной завесой снега. Только на пятый день улегся ветер, и мы снова тронулись в путь. Лошадь то и дело по брожю проваливалась в снег. Пришлось пропалывать для каравана тропу через перевал. Наконец, пройдя по новому леднику Юный Имылчен, мы вышли в район ледника Звездочка, где на высоте 4 200 метров раскинулся наш базовый лагерь. Нас встретили радостной вестью: газовая кухня с баллонами жидкого пропана и конструкторы с продовольствием, сброшенные с самолетов на парашютах, благополучно «привалились».

После «активной акклиматизации» в базовом лагере мы начали подъем и перевалу Чептаран. Здесь, на высоте 5 500 метров, был построен Верхний лагерь. Снег в этих местах оказался таким твердым, что его пришлось расклинивать на кубики. На северных кирпичей сложили стены кухни, склада и жилых домиков. Прошло несколько дней, и с Верхнего лагеря группа, возглавляемая Игорем Ерохиным, впервые в истории советского альпинизма совершила восхождение на пик Военных Топографов (высота — 6 984 метра). Это был крупный успех экспедиции. На карте Родины стало еще одним «белым пятном».

На пик Восточная Победа (высота — 6 900 метров) взойти почти все участники экспедиции, а наиболее сильные и выносливые продолжали двигаться дальше по хребту. Им, тринадцати отважным, и предстояло совершить беспримерный траверс.

Медленно, шаг за шагом, набирали альпинисты высоту. С каждой минутой становилось труднее дышать. Но зато как радостно забилось тринадцатая секунда, когда вершина была достигнута! На высоте 7 439 метров, на знаменитом пике, где в 1956 году побывала группа Виктора Абалакова, альпинисты сложили тур и оставили традиционную записку.

Советские покорители горных вершин одержали еще одну победу.

НА ФОТОКОНКУРС

Фотоочерк альпиниста-перерозрядчика Бориса Бякова.

Завтрак на высоте 5 500 метров. Мастера спорта Игорь Ерохин и Борис Захарьев не жалуются на отсутствие аппетита. Вкусная каша!

В палец попала заноза. Надо помочь товарищу.

Этот баллон с пропаном для газовой кухни весит 65 килограммов. Не так-то легко взбираться с таким грузом по крутым, узким тропинкам, проплатанным в снегу.

Так выглядел промученный лагерь на леднике Юный Имылчен.

В ПЕРЕДИ ОКЕАН

(Окончание. Начало см. стр. 4)

Терещенко любил работу. Самое большое удовольствие он испытывал тогда, когда ему удавалось восстановить слесняк, который не поддавался ремонту, прибор или заставить машину работать без ремонта, скажем, не два, а три с половиной года. И еще ему нравилось заниматься в смежные со своей специальностью области: он охотно изучал устройство швейной машины, пробовав свои силы в токарном искусстве, проходил под руководством бойца бывшей школы малярной науки, составлял с ремонтным механиком в слесарном ремесле.

Так и шло потихонечку время. Дни сменялись днями, работы все прибывало, но Терещенко никогда не жаловался: жить ему было интересно. И все же глубоко упоритное чувство беспокойства вот уже несколько лет не покидало Григория Абрамовича. «Ну, хорошо,— думал он,— «Терек» — судно старое, не хитрая в общем-то механика, а новые танкеры приходят, дизель-электродвигатели строятся... Остаю, и не догнать самому: поруху не хавит. Сколько ни ломай голову, в одиночку всей премудрости не одолеть...»

Весной, к величайшему удивлению всей команды, Григорий Абрамович попросился на курсы повышения квалификации.

Капитан, получив распоряжение пароходства откомандировать электромеханика Терещенко на учебу, поморщился, но возразить ничего не смог: взамен Терещенко на «Терек» прислал инженера-электрика Федоровича,

недавно окончившего Высшее мореходное училище.

Федорович привал у Терещенко электрическое хозяйство перед самым отходом «Тереса» в тропики. Он долго листал техническую документацию, покурно ходил за Григорием Абрамовичем по всему судну, знакомился с механизмами своего завелования, что-то записывал в зеленый блокнот, спрашивал мало, больше слушал.

Наконец акт о передаче должности был подписан, электрики пожали друг другу руки. Терещенко, предварительно обидев всю команду и попрощавшись с каждым, милью до судовой обшивки Янтаря сошел на берег, а Федорович завял его косяку.

«Терек» шел в тропики. Исправно крутились главная машина — девяносто шесть оборотов в минуту, ни больше, ни меньше; безотказно действовали все механизмы, в лаг отсчитывали одну тысячу миль за другой. На «Терек» жили размеренной и однообразной рейсовой жизнью: работали, отдыхали, как могли, развлекались, считали оставшиеся мили, пересчитали в холдовые сутки сутки, считали пурские доллары, которые предстояло получить в Малае. Жили как обычно, заглядывая вперед.

И так как все в жизни проходило, стали забавлять Терещенко, постепенно привыкли к Федоровичу. В свободное от вахты время с удовольствием слушали его беседы об атомной энергии, электронно-счетных машинах, о проблемах межпланетного сообщения. Федорович много знал. И хотя его речь пестрела непонятными словечками, его никогда не перебивали: старались уловить общий смысл.

О Григории Абрамовиче вспоминали теперь только в том случае, если у кого-нибудь оставались вилы, часы или отказывал насос в автопушке. К инженеру с такими делами не обращались.

Было проведено уже много миль. Пошло время перебирать дизель-двигатель. Федорович сам напомнил об этом старшему механику. — Очень хорошо, что напомнил, — сказал А. Терек, — приступайте! А если что-то понадобится: помощь, совет,— обращайтесь всегда, пожалуйста.

Через пару дней Федорович пригласил Братченко посмотреть разобранный дизель-двигатель.

Стармех спустился в отсеке. Здесь ярко светила лампа опущенная над машиной переносная лампа, прищелкнуто блестяще аккуратно разложено на кушетке старое оборудование системы с динамо деталями. Но взгляда стармеха механика, разом охвативший всю обранку в отсеке, остановился на другом: по серому корпусу дизель-двигателя была прочерчена жирная меловая черта; замисловато извивалась, она пересекла машину под углом почти равные части; разобрана была одна, правая. — Что это такое? — спросил Братченко. — Вы про черту спрашиваете? — Да.

— Это так сказать, граница царства — улынулся Федорович. — Она отделяет дизель — хозяйство второго механика — от динамо — моего хозяйства... — Как вы сказали: граница царства? — Именно граница. — начал было Федорович и сразу осекся, взглянув в лицо Братченко.

Смирно рассевая ноздри, покраснев в гневно размахивая руками, старший механик медленно наступал на электрика. Федорович даже не отделился механическую часть дизель-двигателя, а сразу отделился от него, плюнув себе под ноги и, быстро повернувшись к Федоровичу спиной, пошел прочь, громко повторяя:

— Граница царства... Это-то же придуать надо, граница царства!.. Услышал бы Григорий Абрамович!

Грохнула тяжелая стальная дверь. Федорович недоуменно посмотрел вслед стармеху, еще раз справился в инструкции, правильно ли он отделил механическую часть дизель-двигателя от электрической, и, убедившись, что правильно, пошел выяснять отношения.

«Слава богу, я не из мальчишка — дипломированный инженер. Ужель позволять, чтобы со мной так обращались», — подбавивал он себе по дороге. Но чем ближе подходил к каюте старшего механика, тем медленнее и неувереннее делались его шаги. Федорович еще не понимал, а чем же, собственно, его вина или ошибка, но сердце неприятно замирало, и глаза в глубине сознания прощались сомнением: Терещенко любил, со мной мириться.

Ему оставалось уже совсем немного, чтобы понять жалкое: мало знает инженеру один машиник...

Горноспасатели знакомятся с планом шахты «Малютка». На снимке (слева направо): И. Янудров, Н. Орлов, Н. Красенский, В. Пешнякин, А. Киркелов, И. Чмутин.

Телефон завонял перемешкой и громко дребезжал. Орлов бросил его и быстро поднялся трубку. — Дежурный бочок слушает.

В трубке послышался взволнованный голос.

— На шахте «Малютка», на участке № 2, пожар!

Орлов включил сигнал боевой тревоги. По коридорам протопили десятки ног. В гареме взревели моторы машин.

Через несколько минут бойцы уже были в шахте. Подойдя к на-

чалу лесовозного штрета, они увидели клубы дыма, а вскоре и пламя. Развернувшись, шахтеры, начальники горноспасательной части Владимира Петровича Кобылина, тут же отдал распоряжение:

— Немедленно выведите людей из лав 17-8 и 34-6! Приготовьте перемычку!

Лавы 17-8 и 34-6 наступила непривычная тишина. Перестал грохотать угольный комбайн, остановились транспортеры. Шахтеры, с опасной поглядывая на клубы дыма, спешили на поверхность.

ПОЖАР ПОД ЗЕМЛЕЙ

Пожар мог вывести из строя самый крупный участок. Причина пожара была ясна: самозавозорение угля. Когда-то пылевая пыль пропитала воздух и начинается окисление углей, талая вода конденсируется, и наконец вспыхивает огонь. Раньше такие пожары были довольно редкими, но теперь они шли по несколько лет.

Бойцы быстро соорудили перемычку и закрыли доступ огню и дыму в лесовозный штрет. Потом подняли к месту пожара трубы, шланги, подготовили к работе моторы. Только над тем местом, где на глубине 70 метров бушевал огонь, установили буровые станины, чтобы пробурить скважины и осушить пожар и через них тушить его.

В это время в шахте кто-то из горноспасателей спросил:

— Может, начесть? Когда они еще сверху пробурят скважину?

Кобылин колебался. Он знал, что там, за перемычкой, температура была меньше 70 градусов. Тушить подземный пожар при такой температуре не только трудно, но и опасно. Правильно разрешили работать при температуре 40 градусов, но это тоже не было легко.

— Разрешите попробовать! — предложил к началу июня повзрослевший Кобылин.

Ну что ж. Первыми побудут Чмутин, Новоселов, Башуров, Михайлов и Синионов,— распорядился Кобылин.

Вскресли лаз в перемычке, и первые горноспасатели проникли в первую скважину. Но там уже было заложена густым дымом. До пороги нельзя было дотронуться

даже руной в парчате, так она раскалилась. Все приходилось делать вручную. Работали наилом и нагнетателем.

— Владимир Петрович с тревогой посматривал на работу. Работали уже полчаса. Наконец и лаз начался. Фигура первого бойца. Силы маршировали потугами воды. Кто-то еще пытался шутить:

— Вроде нам в центре земли побыли!

А тем временем через лаз ушла вторая группа горноспасателей. Неожиданно на бойцов посыпались мелкие куски породы, и вслед за этим хлынула тонкая струя воды. Это пробуривши наконец скважину и через нее пустили воду. Работать стало легче: стала вода.

Тогда буровики перенесли станины на несомно ветром бегущие и очагу пожара. День и ночь бурили скважины.

Питавший сутон не прекращалась подземная борьба с огнем. За это время горноспасатели прошли вручную 39 логонетных метров горной выработки, вручную извелили на зоме пожара тонны раскаленной породы. Огненная стихия была побеждена.

А шахтеры других участков в эти дни работали с первоначальной скоростью. Однако в трех шахтонах угля свирял пожар.

Но шахтеры самотермических горноспасатели, те, монрыне, усталые, толстые улыбаются.

— Так это же наши бойцы!

А. ФАДЕЕВ

Чертовские копы, Чистянская область.

Юрий РОМАНОВ

Городок мой родной

Свет колеблется лунный,
Ночь света и ясна.
То ли вздрогнули струны,
То ли плещет волна.

Потеря очертанья,
Спокая встал над водой
Серебристым сиянием
Городок мой родной.

Здесь когда-то мальчишкой
Я с друзьями искал
Не раскрытые в книжках
Тайны рифов и скал.

Все здесь морем дышало
И в просторы звало,
И рука привыкала
Налегать на весло.

Здесь узнал я впервые
Жизнь в труде и борьбе,
Здесь глаза голубые
Приманили к себе.

Здесь не раз расставался
Я с родной землей,
За морской оставался
Городок мой родной.

Но и в солнечных странах,
Где случилось мне быть,
Городок мой туманный
Я не смог позабыть.

г. Рига.

Илья ФОНЯКОВ

Случай в дороге

Машина увязла.
Ее поднимали мы «вором»,
из кузова спрыгнув
в дорожную липкую грязь.
Лишь кто-то один
оставался в кабине с шофером,
на мягкую спинку
широкой спиной отвалился.

Нет, толстым он не был.
На толстых клеважут напрасно.
Он был коренаст
и, наверно, вовсе не слаб.
Нет, толстым он не был.
И я говорю беспристрастно,
что, выйдя он прочь,—
ядвое легче машина была бы!

Но это неважно.
На было достаточно много,
и силы хватало,
когда поднажали с «кормы»...
А все же обидно,
что ажал он той же дорогой,
на том же бензине
и в то же село, что и мы...
г. Новосибирск.

Валентин ЯСТРЕБЦЕВ

Свидание

Мне скучно в Нескучном сидеть саду.
Ты в девять придешь, а сейчас восьмой.
И жду я...
...и ждать не могу... Пойду.
Куда? Ну, конечно, к тебе домой.
Твоей дом...
И в распахнутых окнах свет.
Хожу я под окнами взад—вперед.
Пускay укороженно смотрят в след
Знакомые дворники у ворот.
Решусь. И, радости не тая,
На сумрачной лестнице я стою.
Стою. И пока что стучу не я,
А сердце колотится в дверь твою.
г. Москва.

«ВОЛГА» ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ

Снимок справа сделан нашими фотокорреспондентами в кабулу розгрыша первой денежно-вещевой лотереи. «Сегодня последний день продажи билетов! Завтра тираж!» гласит надпись на плакате, прикрепленном к автомашине. Один прохожий мимо, другие останавливались и решительно протискивали ревушие деньги: «Дайте парочку. Вдруг попадетс я счастливым номером...»

Кому достанется «счастливые» билет? Кто окажется обладателем «Волги», мотоцикла, или велосипеда? Как ни всматривайся в номер, как ни верти билет, ничего не узнаешь, пока не будет опубликована в газете таблица.

...Москвич Борис Пантелеймонович Ушаков дама и не вчетла о таком выигрыше. И вот—«Волга».

Небезынтересно отметить, что Борис Пантелеймонович—старый автомобилист. В прошлом он шофер, а ныне большой энтузиаст автомобильного дела, автор научных трудов в этой области, кандидат технических наук. Так что голубая красавица «Волга» ЭК 98-63 пошла, как говорится, по назначению. И всего за 5 рублей!

В тот самый день, когда писались эти строки, в редакцию поступило письмо из Воскресенского района, Саратовской области. В нем сообщалось, что молодая сельская учительница Поддубасовской начальной школы Евдокия Калининна выиграла по лотерейному билету автомашину «Москвич». К письму был приложен публикуемый снимок.

Полковник оглядел всю группу.

— Главное сейчас, как можно быстрее нащупать путь, ведущий нас к цели, и отказаться от идеи войны. В этом смысле поучительна неудача коммерческих предприятий Субботина. Теоретически мы могли, конечно, расширять на то, что среди американских офицеров, занимающихся спекуляцией, может оказаться экземпляр дала нас полезный. Но не так-то просто было такого найти. Первый рыночный знакомый Субботина был явно маленькой сошкой, и, наверное, между торговлю с ним мы наладили бы, но без пользы для дела. А вот Курьер — это тип совсем из другого гнезда. Советскими деньгами там интересуются уже не коммерсанты. Вам Курер, видимо, поверил, что вы спекулянт, и не больше, но все же решил почему-то, что вам ингура ненадежна. И дело тут было в гарантии не столько материальной, сколько политической.

— Может быть, нужно было больше полигнать? — спросил Субботин.

— Политикан! — Веки полковника дрогнули, и он недолго выдохнул. Субботина. — Считать их дураками — самая трагическая ошибка.

— Генер среди них я тоже не идеал! — буркнул Субботин.

— Конечно, они ошибки делали и делают, — помолчал, продолжал полковник. — Но, замечу, чем дальше, тем меньше. Шесть год назад Курер пошел бы на сделку через голову, а теперь — извините. Мы имеем дело с противником неглупым, опытным. Будет почему-то легче для нас всегда должно быть подозрительным. А послушать Посельскую, так можно подумать, что она завтра принесет нам ключ от дома, в котором спрятан Кованьков. Не торопитесь, товарищ Посельский! Может оказаться, что мы случайно наткнулись на людей, которые объективно могут нас интересоваться, но не имеют никакого отношения к похищению Кованькова. И может статься, что вы с каждым днем будете все дальше уходить от цели, стоящей перед оперативной группой. Везь лучше того, что Рената Целлер тренировалась в группе Альм Гуд, у нас нет никаких других штейт. Факт соучастия в похищении самой Ренаты все еще висит в воздухе. Знаете, главное дело нас, товарищ Посельская и Субботин, приближаться к цели. Один из вас должен немедленно выехать во Франкфурт-на-Одере. Свяжитесь там с немецкими товарищами. Нужно организовать вывоз из Ренаты Целлер и выяснить достоверность версии о причинах ее отъезда из Берлина...

16

Во Франкфурт Субботин пошел не один. В вагоне напротив него сидел заметно нервничавший капитан Радчук. Его попросили съездить как единственного обслуживающего Кованькова, знакомого Ренату Целлер. Во Франкфурте он должен был помочь Субботину познакомиться с Ренатой.

Неутомим осенним утром под тулупе сидели Франкфуртского вокзала из поезда вышло не больше десятка пассажиров. Вместе с ними вышли и Радчук с Субботиным.

Большую, восточную часть сестра Ренаты, они нашли быстро. Субботин пошел в местное управление госбезопасности, а Радчук ждал его в маленьком кафе напротив больницы. В кафе было пусто. Две девушки-офицантки исторженно сматривали на единственного посетителя, хмурого молодого человека, сидевшего над нетронутой чашкой кофе.

Радчук через окно рассеянно наблюдал утреннюю жизнь улицы. И небо и улица были зарисованы восточной сеткой мелкого дождя. Когда проходила трамвай, чужой колокольчик на двери кафе отзвучал легким дребезжающим звоном.

«Неужели Рената Целлер — враг?» — думал Радчук, не желая верить в это, хотя, как это рассказывала Субботин, было больше чем подозрительно.

Колокольчик звякнул решительно и громко. В кафе вошла девушка в дождевике. Она отодвинула на спину каваньков, и Радчук заметил, что была Рената Целлер. Настрелу ей из-за прилавка выбежала официантка.

— Здравствуйте! А мы думали, что вы сегодня уже не придете, решили, что ваша сестра

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Поражение капитана

ПРИКЛАДНАЯ ПОВЕСТЬ

(См. «Смена» №16—19)

выздороела. Вы же всегда заходите ровно в девять. Как здоровье сестры? Вы возьмете, как обычно?

— Да, да, — нетерпеливо ответила Рената, — термос кофе и три свежих булочки!

— Можете подождать пять минут? Будет готов свежий кофе. Присадите.

Рената положила сумку на прилавок и села за столик.

Радчук не знал, как ему поступить. Субботин, как назло, словно сквозь землю провалился.

Рената посмотрела в зеркала, поупридила нос, потом взглянула на свои ручные часы и перевела взгляд на висящие у входа большие электрические часы, затем обвела кафе отсутствующим взглядом. Вдруг глаза ее расширились: она увидела и узнала Радчука. Судя по аскетичной пугоничной дождевке, Рената встала и медленно пошла к Радчуку.

— Здравствуйте! Я не ошиблась?

— Нет, вы не ошиблись, — неприязненно ответил Радчук, в упор, зло глядя на Ренату.

— Лицо ее задела мелкая блядовость, неловко, боком она опустилась на стул.

— Я знаю, что вы думаете, — тихо сказала она и после паузы добавила: — Но вы не знаете ничего не знаете.

Радчук молчал, не зная, о чем говорить, что делать, но в эту неловкую минуту в кафе вошел Субботин. Он быстро подошел к столу.

— Это Рената Целлер, — громко сказал Радчук.

На лице Субботина не дрогнул ни один мускул.

— Твоя знакомая? — весело спросил он и протянул руку Ренате — Сереза. Разрешите присесть!

Субботин устался на Ренату, сидевшую молча все в той же позе, опустив голову.

— У вас что, скор? — быстро спросил Субботин.

Радчук и Рената молчали. Девушки-офицантки с любопытством наблюдали за тем, что происходило у столика.

— Товарищи, я не виновата, — тихо произнесла Рената. — Почти не виновата.

Весьлостью мигновлею сбежала и зина Субботина. Он понял, что игра не нужна.

— Я все расскажу вам, все...

Рената впервые посмотрела на Субботина. Из взгляда встретился.

— Вы идете к сестре? — деловито спросил Субботин.

— Да.

— Хорошо. А когда освободитесь, зайдите в управление госбезопасности и расскажите все, что вы знаете. Зайдете?

— Зайду, — твердо ответила Рената. Она встала, распрямилась с официанткой и ушла.

Субботин и Радчук через окно смотрели, как она медленно перешла улицу и скрылась в больничных воротах.

17

Вот что рассказывала Рената Целлер:

Когда окончилась война, мне было одиннадцатилетним, а мой старший брат, Алекс, который сейчас лежит в больнице, было 23 года. Все войну мы прожили в Берлине. Наша мама и младший брат погибли во время бом-

бежек в сорок четвертом году. Отец был нацистом, занимал ответственный пост в рейкс-кабинете Гитлера. Последний раз я его видела накануне марта сорок пятого года. Немного позже к нам зашел его сослуживец и сообщил, что отец погиб как герой. Он вручил нам орден отца и большую сумму денег. Конца войны мы встретили вдвоем с сестрой. Ее муж — военный летчик — пропал без вести.

Рената обвела всех находящихся в комнате затуманенным взглядом, выпила глоток воды и продолжала рассказ:

— Сестра была для меня все и матерью и другом. Я ее любила и верила ей, хотя совершенно не знала, что у нее на душе. Она вообще очень скрытный человек. Я часто видела ее сидящей в глубокой задумчивости. Она могла сидеть так часами. До прошлого года она жила в Берлине. Работала редактором газет на аэродроме Шенефельд, а потом переехала сюда, во Франкфурт. Здесь тогда еще была жива мать ее мужа, у которой она и поселилась...

Почему она переехала? После гибели матери она жила с ней jointly в Берлине, а семье наших дальних родственников, которые были очень не ладил. Там вся семья трудовая, ненавидевшая нацистское прошлое Германии, а сестра, наоборот, все в этом прошлом. Сидеть в газетном kiosке жене офицера авиации, сидящей в тюрьме, и получать деньги за временной мукой. Ее тоже надо понимать. Вообще я почти всегда была на стороне сестры... Окончив школу, я поступила на курсы библиотечек, потом стала работать в библиотеке и продолжала жить в той же семье наших дальних родственников. Они пытались меня перепослать. Это их заслуга, что я сейчас сижу здесь и все честно рассказываю. Но если вы спросите обо мне у них, они скажут только одно: «Она хорошая и добрая». Когда я встречала в штыки, грубила и назло делала то, что хотела. Уходила из дому и не возвращалась до поздней ночи, а сама в это время ходила по улицам и думала о том, что они мне сделали. Хотела, чтобы я поступила в вечерний институт, я стала заниматься водным спортом.

Месяца четыре назад я случайно познакомилась с Кованьковым. Просто мы оказались рядом в библиотеке, случайно узнали друг друга. Изначально жила большую роль. Интересно, что Кованьков говорил мне то же самое, что говорили в семье, но без крика, без угроз, а просто, вежливо, по-дружески. В его слова я верила, и мне особенно хотелось, чтобы он во мне не ошибся.

После смерти моего знакомого с советским офицером, пришла в беженство. Правда, позже она смилила гнев на милость и стала очень интересоваться Кованьковым...

Теперь я переживаю к самому страшному событию в моей жизни. Однажды утром, когда я вышла из дому, меня остановил хорошо одетый мужчина лет пятидесяти. «Вам, — спрашивал, — Рената Целлер? Вот вам письмо от опаздывающего к работе «не забудьте поздравить», — ответил он. — Прочтите письмо в библиотеке, а я вас буду ждать вечером. Придете — хорошо, не придете — ваше дело. Скажите, где будет меня ждать, и ушел.

Письмо стало мало опечаленным. Она сообщила, что человек, который передает записку — большой друг нашей семьи, он должен сказать мне какую-то очень важную правду. «Только правду» — эти два слова были полуживыми.

Все это меня заинтриговало. После работы я встретилась с этим человеком. Первое же, что он сказал, поразило до глубины души: он сообщил, что отец наш жив и находится в неподачку, и Западной Германии. Тут же он передал мне подарок от отца — конверт с деньгами. Затем он сказал, что отец живет одной мечтой: повидать своих людей, — и хотя ему трудно и опасно выехать в восточную зону, все-таки он собирается это предпринять. Потом он попросил меня написать отцу несколько строчек, дал бумагу и ручку. Я долго думала, не знала, что писать, а потом написала, что счастлива от полученного известия, что отец жив, и мой старший брат Алекс.

«Поблагодарите отца за подарок. Ваш брат благодарен билету и доказательством, что деньги вам переданы». Я написала: «Спасибо, па-

почка, за деньги, они мне, конечно, пригодятся.

С этой минуты вся моя жизнь точно перевернулась. Я все время думала об отце, мечтаю, что мы будем жить вместе: я, сестра и он. Эта мечта не давала мне покоя ни днем, ни ночью. Потому ко мне пришел еще один человек от отца. Он принес его фотокорректуру и свазал меня. Тогда я получила уже давнишнее письмо. Вскоре уже третий человек вручил мне ответ отца. Он писал, что мы в самом скором времени увидимся...

И вот однажды меня воле библиотеки встречает тот мужчина, который приходил от отца первым, и рассказывает следующее: отец окончательно решил поехать в Западное и поехать в восточной зоне, но он боится, что здесь его упричудят в тюрьму, поэтому собирается предельно подробно доказать австрийцам свою лояльность и свои новые убеждения... Он думает сделать это с помощью советского офицера, с которым я дружу. Да, это от об этой дружбе знала. Откуда? Это, и он не знает.

В письме отца говорилось, что он может довериться пока только этому офицеру, надеюсь, что во имя дружбы со мной офицер окажет мне помощь или прямо скажет, что помочь не может. И, если же во имя дружбы не предоступит. Словом, отец молил сделать все, чтобы встретиться с моим русским другом. Я во все это поверела...

Они меня торопили, но все время так получалось, что или я оказывалась занятая или же мог Кованьков. Нет, нет, то, что готовится такая встреча, Кованьков не знал. Не знал он этого и в тот вечер, когда я позвала его погулять по городу, хотя, когда я звонила ему, рядом со мной находился очередной посланец от отца.

Кованьков согласился погулять. Посланец сказал: «Приходите к Варшавскому мосту, там мы сидите в машину, которая отвезет вас на свидание с отцом...» Меня и удивило и обрадовало, что в машине, которая к нам подъехала, когда мы с Кованьковым стояли у моста, из двух пассажиров один оказался моим знакомым по тренировкам в бассейне. Это был Арнольд Шосман.

Мы поехали вдоль набережной. Когда удалились от моста метров на пятьсот, я вдруг увидела, что Кованьков падает. Тотчас незнакомый мужчина выскочил со стороны и приказал шоферу остановиться. «Вылезайте!» — крикнул он мне и Арнольду. Мы вылезли из машины. Незнакомец тоже вылез, вышел на створку и, обращаясь ко мне, сказал: «Русский офицер готовя арест твоего отца. Мы вовремя это разнюхали и рекомендуем тебе обо всем, что произошло, молчать. Лучше если сегодня же уезжай во Франкфурт к сестре. Она, кстати, очень тяжело больна». Потом он что-то сказал Арнольду, вернулся в машину и помчался обратно к Варшавскому мосту. Вот и все, что я знаю...

— Да, конечно, я с Арнольдом говорила, вернее, он говорил со мной. Я вообще так была потрясена, что слова провозвела не могла. Арнольд оставил такси и отвез меня домой. Пока мы ехали, он без конца твердил мне, что наше спасение только в одном — молчать.

— Да, я уехала во Франкфурт в ту же ночь на первом попавшемся поезде.

— На это вопрос и ответить не могу. Но она лежит в больнице, и главный врач говорит, что ее дела очень плохи.

— Нет, кроме главного врача, я ни с кем не говорила. Он всегда бывает, когда я прихожу в больницу, сам проводит меня к сестре и потом провожает до выходных ворот.

— Нет, сестра выглядит вполне прилично...

— Нет, сестра выглядит вполне прилично...

Зигмунд Лисовский назначил Посельской свидание в бумажнической лавочке, размещенной в подъезде разрушенного во время войны дома.

Посельская не сразу нашла эту лавочку. Вывеска на узенькой двери была размером в тетрадный лист. В лавке валяло мишины и стелюжные клеи. Все ее лавку, соединенную лестничным пролетом стеной занимала селазка-железная дверь, завешанная суконной гардиной.

Оттуда вынырнул, точно специально подобранный по размеру двери, кругленький человечек-коротышка в грязном синем комбинезоне.

— Что вам угодно, мадам? — спросил он, уставившись на Посельскую выкулкими слезающимися глазами.

— Покажите мне какие-нибудь французские романы.

— Сию минуточку! — Коротышка выхватил с полки несколько потрепанных книг и рассыпал их на прилавок. — Франсуаз, знайте, у нас малолато. Последствия чисто исторического порядка. — Скопивши шарообразного голубя, бумажист смотрел, как Посельская перелистывала книга.

Наташа недоумевала: она пришла с десятиминутным опозданием, а Лисовского нет.

— Пожалуй, возьму вот эту, — перешептливо сказала Посельская.

— Мадам, а может, не стоит зря тратить деньги?

— Встретив удивленный взгляд Посельской, бумажист произнес, показывая на заднюю дверь:

— Господи Лисовский ждет вас там.

За дверью оказалась маленькая комнатка, в которой стояли кровать, стол и один стул. На кровати сидел Лисовский. Когда Наташа вошла в комнату, он посмотрел на часы.

— Любим, опаздываете? — спросил он без тени улыбки.

— Пришлось пропустить два поезда метро: люди спят с работы.

— Садись. — Лисовский кивнул на стул. — Свидание у нас не любовное, не будем тратить времени. Я хочу поговорить о твоем отце.

— Это еще зачем? — спросила Посельская, думая в это время, как вести себя в связи с таким неожиданным желанием Лисовского.

— Видишь ли...

Наташа заметила, что король тренеров немало смутался и не знает сам, как начать разговор. Он тряхнул головой и точно сбросил смущение.

— Я не умею флиртить, будем говорить прямо. Я из тех, которые не канитуловалили вместе с Кейтелем и готовы пойти на все ради Германии. Твой отец — офицер морских сил рейха? Так?

— Был, — уточнила Наташа.

— Что значит был? Немецкий офицер — всегда офицер, пока он жив, — быстро произнес Лисовский; в глазах у него вспыхнул и тотчас погас злобный огонь.

— Ну и что же ам от меня хотите? — спросила Наташа.

Лисовский посмотрел на Посельскую раздраженно и вместе с тем восторженно.

— Прежде всего напомнить, что ты немка, — усмеянулся он.

— Знаете, что я вам скажу... Посельская смело смотрела в холодные глаза Лисовского. — Я категорически не желаю заниматься политикой. Это знает мой отец, мои друзья и должны знать вы. Я делаю то, что мне нравится. Мне нравится спорт — я занимаюсь спортом, мне нравится парень — я провожу с ним время.

— Русский? — усмеянулся Лисовский.

— Сегодня русский, завтра египтянин. Важно, чтобы нравился. И больше я ничего не хочу знать, и грош цена вам, занимающимся политикой, если вы не можете не танцевать в политику такых, как я.

— Но твой-то отец — мужчина? — после долгой паузы устало произнес Лисовский.

Рисунки А. Лурье.

В его глазах Наташа прочла разочарование. И тогда Посельская решила подбодрить ему кусочек надежды.

— Я поговорю с отцом, — сказала она.

— О чем? — настаивал Лисовский.

— Вообще. Я с ним как-то ни разу не говорила о политике. Мне даже самый ядрот стало сейчас интересно, что он думает обо всех этих вещах.

— А кто, между прочим, тот русский, который сегодня тебе нравился? — вдруг спросил Лисовский.

— Мужчина. Молодой, интересный.

— Чем занимается?

— Посельская засмеялась.

— Мне не пришло в голову задать ему этот вопрос и заслабым переосмыслением его зарплато. До замужества еще не дошло. Сам он говорил, что он военный инженер, что-то консультирует.

— Что именно?

— Да не знаю я! — искренне возмущилась Посельская, помолчала и робко спросила: — Наверно, вы больше уже не будете заниматься с моим батерфляем? Мне очень жаль.

— Да? — Лисовский улыбнулся. — Нет, почему же, мы продолжаем. Ты же общалась до свидания с отцом?

— Договорилась.

Лисовский тяжело поднялся с постели.

— Ты уйдешь отсюда одна. Извини, что не провожал.

— Этим занимается мой русский, — засмеялась Наташа.

— Он что, опять ждал тебя? — не сумев скрыть испуг, спросил Лисовский.

— О нет! Не хотела, чтобы он провожал меня на свидание с другим мужчиной.

Наташа вышла на улицу, довольная собой. Кажется, она не сделала ничего такого, за что полковник Семин пробрал бы ее на очередном совещании.

19

Каждое утро Хауссон ехал на улицу Хельне. Оставив машину на площади Майбах, он пересекал бульвар, по улице Хельне шел до пятиэтажного дома, очень старой постройки, которая была обшарпанной массивной дверью.

По обеим сторонам двери висело множество табличек, по которым можно было узнать, кто живет в этом доме. Зубной врач-протезист, адвокат, учитель музыки, профессор-доктор и много еще всяких других полезных людей. Не было только таблички, посвященной, что в этом доме на втором этаже находится один из филиалов ведомства майора Хауссона.

— Он человек скромный, не хочет афишировать свою фирму, — угрозо ухмылялся полковник Семин, когда Рычагов показал ему фотографию подъезда.

— Войдя в парадную дверь, майор Хауссон поднялся на первый пролет лестницы, отпер своим ключом дверь и вошел в преднюю, ярко освещенную лампой дневного света. В конце коридора, возле маленького столика, вытянув ноги, сидел да саодата. У одного на стене висела автомат, у другого на поясе — пистолет. Да майора Хауссона солдаты не обратили никакого внимания, можно было подумать, что они спят.

Хауссон прошел в одну из комнат, где молодой человек присел на стул, диктовал что-то stenografичеки. Не прерывая диктовки, он помachaл майору рукой и показал на стол, посреди которого лежала пачка ярко-желтого цвета. Майор сел на стул, оторвал конверт, начал читать бумагу. Молодой человек подошел к Хауссону и раздраженно сказал:

— Я был у него уже два раза — все напрасно.

Геринне, Жерард, — не отрываясь от бумага, сказал Хауссон.

— Как понаугад, твердит одно и то же: требует немедленного освобождения.

— Ну что же, любду поработало с ним я. У нас больше шансов, чем у другого, не надо сломить Кованьку, но, как и в предыдущий раз, безрезультатно. Майор обладал железным характером. С его лица не сходила доброжелательная улыбка, но внутренне он бесился, ведь у этого мальчика по всем внешним признакам должен быть неуточенный, мякотный характер.

— Я призываю вас, Кованьков, посмотреть на все, что произошло с вами, тремя глазами офицера. Да и наш мир стоит друг против друга... — Майор Хауссон стукнул кулаком о кулак. — И мы и вы не хотели бы оказаться застигнутыми врасплох, и поэтому и вас и нас действующий институт, задача которого уделить, а что же итываете другая сторона? И даже когда наша дипломатия рстачают друг друга улыбки и комплименты, эти институты продолжают свою, по возможности, деятельность. И то, что сейчас происходит с вами, — абсолютный апокалипсис эпохи этой вечной бесзачувной войны. Месяц назад от нас к вам бежал капитан американской армии Рейджер. Он знал не очень много, но все же знал, наверно, пригодился. Теперь вам придется оказаться в плену у нас.

— Я уже сказал: вы от меня ничего не получите. Я только немедленного освобождения.

Кованьков отбоянно понимал: Хауссон хочет, чтобы у него пригипило ощущение чрезвычайности происходящего. Не выдет! Воинские уста. Встнула улыбка, Кованьков с гневной насмешкой смотрел на Хауссона, а тот продолжал образовывать улыбку, улыбку из Советского Союза? Хотя бы примерю.

— Ну, уда, лейтенант, ни в чему стоить сильные эмоции! Здесь, как вы видите, нет советских кинокамер, а для меня и моих коллег ваш героизм попросту смешон. Давайте-ка знайте, ребята. Мы прерываем войну до конца осведомленности так же уака, как полоски на ваших погонах. Родину продавать вам не придется, такая сделка вам и не по силам. Мы зададим вам весьма элементарные вопросы да начекаго восточного марша. В Берлине? В Лейпциге? Или, может быть, в Москве?

Кованьков молчал, смотря мимо Хауссона. Хорошо, если вопрос. Сколько продолжительности пребывания послужат в Советском Союзе? Хотя бы примерю.

— Я отвечаю не буду. Зря тратите время, — спокойно произнес Кованьков.

— Ну что ж, прекрасно, — белезено произнес Хауссон. — Обязательство выдано до завтра. Подумайте заодно вот о чем: если вы не будете отвечать, мы выддим восточным властям вашу подругу Ренату Цедлер как соучастницу военного захвата. Хотя, могу вас заверить, она к этому абсолютно непричастна.

До свидания, лейтенант, до завтра!

Выходя из комнаты, Хауссон занялся за протнутые часы часового, и пришлось соскребать на себя весь разряд майорской злобы.

Хауссон вернулся в свой кабинет и сел за стол. Бессильное бешенство колотало в нем. Майор понимал: от этого упрямого лария добром ничего не добьется. По нему вышло, поро светит его в зону «агресс и поддержки «горячей обработки», по крайней мере все быстро решится: или русский заговорит, или превратится в тул, от которого не может быть никаких последствий. — Но Хауссон сделать этого не мог.

Вчера вечером он был у генерала. Генерал спросил:

— Как дела с русским?

— Как-то вяло, — ответил Хауссон.

— Можно выдвинуть, на какой срок рассчитано ваше «пока»?

Хауссон промолчал. Генерал начал подергивать плечом — это ничего хорошего не сулило.

Плохая работа, майор. Вы недоуменно долго готовили операцию, она стоила немало денег, а теперь, когда дело сделано, мы выдмали свое «пока молчать».

— Вы же знаете, генерал, что раньше... — начал было выдвигаться Хауссон.

— Что раньше? — закричал генерал. — Перебежчик? Да мой адъютант лучше информирован о восточных делах, чем вы сами! Не забудьте, вы же знаете! А вот вы и сейчас будете молчать, а потом сообщит нам сенсационные данные о ценах на хлеб в восточной зоне?

— Но вы же знаете, генерал, что этот офицер — и из отряда, который нас очень интересует. И именно потому, что он попал к нам недобровольно, нужно время, чтобы он пришел в себя и начал давать показания.

Генерал и Хауссон дернули плечом и швырнули лариды на стол. Хауссон встал и спросил вас: почему оставлен выбор именно на этом офицере? Вы сказали, что,

во-первых, потому, что он молод, во-вторых, что, нарушив инструкцию, завел знакомство с нежелательными товарищами. Прерывало! Значит, не все страшно. Кованьков? Он там, где и вы работаете. А на проверку схватили русского для которого удовольствие умереть за красивые идеалы. Тогда я подражаю вас, майор, вы итываете, что русский офицер оередного героя.

— Постарайтесь не сделать этого, — угрозо произнес Хауссон.

— Может, вы, майор, неясно представляете себе дедацию обстановку? Мы делаем в Западной Германии то, что нужно. Мы делаем. А русский все больше развязывает руки нам и требует объединения страны. Это бешенство встречает поддержку всех немцев. Это же ясно, как дважды два — четыре. Нам нужно объединить немецкую Германию. Этот русский только тогда будет стоить, а траншеями на него услили, когда он, штабной советский офицер, спокойно и ясно скажет немцам то, что надо нам. А ниче... — Генерал дернул плечом, помолчал и добавил: — В общем, долго ждать я не намерен.

На том разговор с генералом и кончился. Нет, не мог Хауссон отправить Кованьку в последнюю «горячую обработку»: русский должен заговорить здесь!

20

Очередное совещание оперативной группы у полковника Семина проходило бурно. Стоянулись два направления операции: одно — более активное, с уже реальными результатами, другим тоном, помолчала и добавил: — В общем, долго ждать я не намерен.

На том разговор с генералом и кончился. Нет, не мог Хауссон отправить Кованьку в последнюю «горячую обработку»: русский должен заговорить здесь!

И Субботин и особенно Посельская считали теперь, что они запали на верный след.

— Ведь так или иначе мы вернемся к Хауссону! — говорил Субботин. — Посельская, обращайся к Рычагову и кось на полковника Семина. — Но вернемся, зная абсолютное все, что связано непосредственно с похищением лейтенанта. Это же облегчит и работу у Хауссона. Товарищ полковник, разве я не прав?

— Послушаем Рычагова, — тихо произнес полковник.

Полковник астал, пригладил ладонью волосы и сказал:

— Известен ход моей работы. Известно то, что сделала Посельская и Субботин. По-моему, сейчас особенно торопиться с выводами. Необходимо же раз проанализировать ход операции. — Рычагов говорил спокойно, убежденно, переводя взгляд с одного участника совещания на другого. Вот его взгляд остановился на Посельской. — Я думаю так. Попробуем все свою работу мы должны оценивать только с одной точки зрения: приближаемся ли мы к цели? А наша цель — лейтенант Кованьков. Он находится в Западной Германии. В этом смысле вряд ли Посельская, Субботин и Хауссон могут что-то сделать до лейтенанта Кованькова.

Рычагов признавал, что Субботин и Посельская обнаружили очень интересных людей, что, несомненно, эти люди объединены в негласную правительственную организацию и что разоблачение этой организации — большое и важное дело. Но, признав все это, Рычагов снова спросил:

— Скажите мне: разоблачив эту организацию, мы оказываем хоть на шаг ближе к лейтенанту Кованькову? Нет. Мы только более точно установим обстоятельства похищения и сможем назвать его участников. А Кованькову до легче от того не станет! Неужели такую цену придется заплатить за то, что мы не знаем?

— Посельская и Субботин молчали. Полковник Семин, выждав немного, спросил, что же предлагает Рычагов.

— Пусть лучше проинкнут в «хозяйство» майора Хауссона, — твердо произнес Рычагов. — Мой план на этот счет таков...

— Все, что затем говорил Рычагов, было настолько интересно, что даже Посельская и Субботин забыли о своих обидках, слушали, не скрывая влечения.

Да, это был план интересный, смелый, во многом рискованный, и не следует удивляться тому дилемному молчанию, которое установилось после выступления Рычагова.

(Продолжение следует.)

Так Хосе Вентурели изобразил гнев чилийских рабочих.

В новом Китае.

художника были устроены в Сан-Пабло и в Рио-де-Жанейро. Там завязалась дружба Вентурели с Кандидо Портинари, чье творчество и богатейший опыт оказали на него немалое влияние.

Возвратившись в Чили, Вентурели организовал выставки, которые показали, что он стал большим мастером изобразительного искусства. Эти выставки экспонировались в различных странах Европы, в Индии и Соединенных Штатах Америки.

Творчество Хосе Вентурели насыщено большой социальной силой. Немало картин художник посвятил борьбе за свои права рабочих медных и селитровых рудников на севере Чили, иллюстрировал многие произведения Пабло Неруды, жившего в изгнании. В свою очередь, выдающийся чилийский поэт сделал стихотворные подписки к серии рисунков художника, названной «28 января». Выс-

те они прозвучали как гневный протест против жестоких репрессий, кровью залитых чилийскую землю.

Художник проиллюстрировал роман В. Тейтельбойма «Сми селитры», рассказывающий о жизни руководителя чилийского рабочего класса Элиаса Ляйферте, ныне председателя Коммунистической партии Чили.

Не случайно, конечно, Вентурели свой талант посвятил стеной

живописи, гравюре, иллюстрации. Эти виды искусства особенно близки народу, с их помощью можно ярко, доходчиво отразить насущные жизненные проблемы.

В последние годы в Чили arose новое поколение художников, которое по многим образом своим успехами и идейной устремленностью художнику Хосе Вентурели.

Побывав в Китае, Вентурели спонсировался с действительностью, которая дала новый толчок его творчеству. Кисть художника теперь воссоздает картины мирного труда, учебы и жизни народов, строящих светлое будущее. Художник стал активным борцом за развитие и укрепление дружеских связей латиноамериканских народов с Китаем. Он так бы разделил свою любовь и привязанность художника между Китаем и родной страной. И если дом в Чили напоминает по численности представительство народа и искусства Китая, то квартира Вентурели в Пекине представляет искусство и фольклор Южной Америки.

В Москве открывается выставка произведений Хосе Вентурели, главным образом графики и авторитографии. На выставке будет представлено более семидесяти работ, которые ярко характеризуют идейную направленность и творческую манеру талантливого художника. Выставку организует Союз художников СССР.

Роберт ОТЕРО,
аргентинский журналист.

ТВОРЧЕСТВО ХОСЕ ВЕНТУРЕЛЛИ

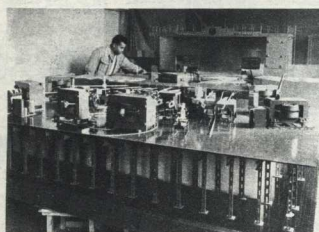
Дом молодого чилийского художника Хосе Вентурели в Сан-Яго называют «маленьким китайским музеем». Здесь можно увидеть и классическую китайскую лакированную мебель, и продолговатые панно в стиле эпохи Тан и Шыи, и современную живопись Китая.

Хосе Вентурели — радушный хозяин и приятный собеседник. Он способен часами говорить об искусстве, политике, фольклоре, неустанно восхищаться мудростью и неутомимостью китайского народа. Интересы творческий путь художника, приведший его к увлечению искусством великого Китая.

В 1941 году, будучи почти ребенком, Вентурели увлекся испанской стеной живописью. Две первые выставки молодого

Из серии «28 января». Забастовка.

СИНХРОЦИКЛОТРОН В МИНИАТУРЕ

Этот уникальный макет синхротрона создан молодой бригадой мастеров Объединенного института ядерных исследований в городе Дубне. Он выполнен в одну десятую натуральной величины и является точной копией действующего синхротрона.

В сооружении макета принял участие Владимир Филченков, Геннадий Рылов, Ми-

хал Шаронов, Виктор Нитков, Сергей Илья. Работы велись под руководством конструктора Ивана Ноздрина.

Макет экспонируется сейчас в Москве, на выставке, посвященной макромодельно-использованию атомной энергии.

И. ПУРЦЕЛАДЕ
г. Дубна.

Держд МИКЕШ

ПОДАРОК СТАРЦА РУССО

Юмореска

Я осознал в конце концов, что транзитом мое единственное великое решение: буду воздерживаться. Но при виде первой же новой книги меня охватило исступление. И как я только бы не похвастаться, какой подарок привнесла на этот мир на зло!

— Купи книгу, приятель, не бойся! Я дам тебе добрый совет. На чистых листе красными печатными буквами напиши: «В награду за культурную работу. Местное».

— Если легко было уговорить, я не долгу сопротивляться, быстро купил книгу и поступил согласно полученному совету. Гордо поназав книгу являю, я рассказываю, что получил ее за участие в вечернем авиационном курсе «Ромео и Джульетта», и я держал на собственной спине баллон.

— Вспомни и напиши на другой книге: «Обеспечил конкурс на лучшую статью в «Стелс»».

— Ты даже не говорил, что

принимать участие в конкурсе — удавалось.

— Разве ты интересуешься моим делом? — ослорошил меня и рукой.

— Все же, о чем ты писал? — Разоблачил директор! Писал о его негодной деятельности.

На следующий день в красной чернилами в красно-белую рамку было написано: «Зависшему первое место в конкурсе присвоить, «Главное» это величие Гораций».

Однако позднее я начал посылать приглашения женигу; тут уже невозможно было утверждать, что получил их на зло. Надо было что-то пригнать. Но что? После долгих раздумий я понял, что проверенную, испытанную идею следует развить дальше. На новейшем приборении старческих величия и выросла: «Счастливого родства» вестей Дарина диошна Бела».

— Кто этот диошна Бела? Я никогда о нем не слышал, — заинтересовалась жена. Я объяснил ей, что диошна Бела было моим дедом, но его когда-то изгнали из семьи, и теперь, он служит архивариусом в маленьком сельском городишке.

— Ведный диошна Бела! — расторгано в воздухе и.— Он всегда дарил мне книги! И вспоминаю, ему хотелось, чтобы я стал водителем, потому что он считал, что реин и мой будут существовать воедино.

В следующий раз я заставил бабушку подарить себе книгу: «Моему малому дорогому внуку за хорошие отметки в словесности».

— Бабушка дава тебе Золу, когда ты был мальчишкой? — повзвизгивала.

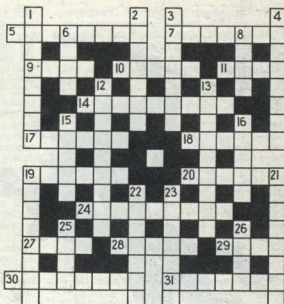
— О — о легитимно отвечал и.— бабушка, очевидно, думала, что это народное сказание.

В дальнейшем фариет, миче стали сами авторами: Петер Верени, Фердин Мольнар и даже давно почивший Иван Жак Руссо — в знак нашей дружбы и неподдельного уважения.

Однажды вечером привожу в подарок свою библиотеку и замечаю на стене новую книгу: «Гипна!» — спросил я, ничего не подозревая.

— Получила! — вскричал и удивленно.— От кого получила?

— От твоего

КРОССВОРД

Составил Ф. Самойлов

По горизонтали:

5. Руководитель творческого коллектива. 7. Знак высшего письменности. 9. Город в Адырре, крупный порт на Средиземном море. 10. Деятельный отряд басмачских рабочих. 11. Народное искусство широко популярное среди американских трудящихся. 14. Союзок в Костромской области, где создава высокохудожественный порядок мучного рогачего света. 17. Комсомолец-равдичек, один из героев романа И. А. Островского «Вздык вынальшая сталь». 18. Денежная единица Венгрии. 19. Положительный результат, итог. 20. Вспомогательное предприятие. 24. Измерительная прибор, применяемый в машиностроении. 27. Васия И. А. Крылова. 28. Группа народов, населяющая Южную и Центральную Африку. 29. Персонаж повести И. Н. Гоголя «Вий». 30. Па-

По вертикали:

1. Газето-журнальный центр. 2. Музей в Ленинграде. 3. Славянский Е. Е. Калашников-Щедрина. 4. Роман Д. Олдриджа. 6. Бельгийский композитор, скрипач-виртуоз. 8. Норвежский композитор, основоположник национальной музыкальной школы. 12. Прибор для измерения атмосферных явлений. 13. Угрозное для автоматического управления самолетом. 15. Стиль плавания. 16. Вухта в южной части моря Лаптевых. 19. Камешный вид и роды теплокровных. 21. Исключительный человек. 25. Современный французский художник. 27. Грузинский народный танец. 28. Французский писатель-реалист. 28. Работник здравоохранения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

5. Шеннинг. 6. Тобольск. 11. Колонов. 13. Поникс. 16. Туркун. 18. Кургун. 19. Заманя. 21. Мальден. 24. Явнатураль. 28. Денежная единица Венгрии. 28. Каира. 29. Морщина. 31. Вешна. 32. Пьяные. 33. Тяньвань.

По вертикали:

1. Эвенки. 2. Каскад. 3. Пирот. 4. Колос. 7. Роман. 8. Сорок. 9. Прага. 10. Нептун. 12. Буланбин. 16. Украинцы. 17. Мальден. 18. Гоголь. 19. Камешный. 25. Коток. 26. Камешный. 27. Анадырь. 28. Кудин. 30. Отама.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. Метрострой. 7. Лесопосадка. 9. Тригорское. 11. «Тригорское». 12. Толубы. 13. Морозов. 14. Дашава. 15. Вороты. 17. Воскресенье. 22. Мамая. 22. Сопка. 23. Амур. 24. Явна. 25. Мурзалин. 27. Митрастрова. 29. Талант. 30. Лагер. 32. Прага. 33. Юннат. 34. Пирот. 37. Нитроцеллюлоза. 38. Алария. 41. Залева. 42. Удмуртия. 43. Тыландон. 45. Колба. 46. Титов. 47. Пошени.

По вертикали:

1. Портогно. 2. Новиков. 3. «Сельдер». 4. Новгород. 6. Ермолова. 8. Суботин. 9. «Молодежная». 16. Вандура. 18. Студент. 19. Новосел. 20. Енобуру. 23. Амарант. 25. Аргетат. 28. Ставрополь. 31. Рюмак. 32. Панченко. 33. Агустин. 34. Удмуртия. 39. Рындин. 40. Нитроцеллюлоза. 41. Зоолог. 42. Лезвия.

Первая страница обложки: Ленин приехал. Автор Л. Жукова.
Вторая страница: На реде. Фото А. Моничева.

Редакторы: Г. Гуля, Е. Долгатовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Луконин, А. Ремезов.

Технический редактор О. Швова.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Подписка на журнал «Смена» производится в городских отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах, фабриках, стройках, в учреждениях, вузах, техникумах и школах.

Подписная цена на год — 48 рублей, на 6 месяцев — 24 рубля.

Редакция журнала «Смена» подписку не производит.

Перевела с венгерского Елены ТУМАРКИНА.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

Купоны не возвращаются.

Адрес РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47. 1-я улица Янгеного поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д-334-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д-331-68, студенческой молодежи — Д-335-24, очерка и публицистики, филологии и спорта, информации — Д-336-90, писем — Д-331-69, оформления, иллюстраций — Д-334-22.

А 05351. Подготовлено к печати 18/Х 1958 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 1208. Заказ № 2341. Формат бумаги 70x108/16. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л. Адреса Ленинградского типографии газеты «Правда» имени Н. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена номера
2 руб.

